

ПАЛАНТИР

журнал
толкиновского общества
санкт-петербурга

ноябрь

#73

2016 год

В НОМЕРЕ :**Владимир Афанасьев**

К проблеме перевода имён собственных во «Властелине Колец». 3

Саймон Дж. Кук

Мир Фродо: О происхождении английской мифологии.

(Опубликовано в *Tolkien Studies*, vol. 12, 2015, pp. 59-76)*Перевод Натальи Пирожковой*. . . . . 18**Екатерина Могилевцева (Tirendyl)**

О судьбе Маглора во Вторую Эпоху. 34

Артем Крюков

«Как бранный сторож Ветилуя стоит на камени своем...» 40

Обложка и оформление — Моргул

Palantir®**ПАЛАНТИР****№73 ноябрь 2016****Журнал Толкиновского Общества
Санкт-Петербурга**

Этот номер для вас делали:

Золтан Бардинг, Мария Семенихина, Моргул

e-mail: palantir.mail@mail.ru twitter: [TolkienSpbRu](https://twitter.com/TolkienSpbRu)Наш сайт: tolkien.spb.ru**Copyright © 1997–2016 Толкиновское Общество СПб**

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества Санкт-Петербурга запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правки в публикуемых материалах. Просим авторов соблюдать принятое в журнале оформление материалов, учитывая используемые шрифты и кегли, оформление сносок, иллюстраций и таблиц.

Благодарим авторов за сотрудничество с журналом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей. Тираж - 100 экземпляров.

Редакция журнала благодарит автора использованных в издании шрифтов
Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниеля Стивена Смита.

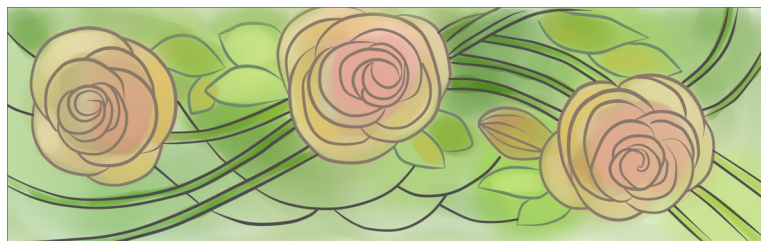
Владимир Афанасьев

К проблеме перевода имён собственных во «Властелине Колец»

Едва ли можно усомниться в том, что роман «Властелин Колец» является исключительно трудным для перевода произведением. Сложнейшая, гармоничная и продуманная до мелочей система имён и названий во «Властелине Колец» небезосновательно представляется одной из наиболее проблемных областей переводческой практики – особенно, пожалуй, русской.

Хотя проблемы перевода ономастики «Властелина Колец» – тема далеко не новая, до сих пор не было создано русскоязычного перевода, где все они решались бы на таком уровне, который в полной мере удовлетворял бы как простого читателя, так и придирчивого знатока творчества Профессора. Неудачи переводчиков объясняются, в частности, тем, что оригинальные имена объединены в жёсткую выверенную систему, воссоздать которую на другом языке в полной мере (то есть с сохранением всех структурных связей) невозможно. Но всё-таки следует признать, что воспроизведение ономастикона «Властелина колец» как согласованной системы, оказывающей на читателя в известном смысле аналогичное воздействие, возможно при условии, что все проблемы перевода имён собственных будут преодолены на должном уровне. Во всяком случае, в это хочется верить и не прекращать попытки.

Вполне логично, что для системы нужен системный же подход, одна из составляющих которого – классификация. Конечно, чтобы полностью систематизировать разнородный ономастикон «Властелина Колец», потребуются сотни критериев. Тем не менее, далеко не все из них будут ощутимо влиять на перевод имени, поэтому классификация, призванная помочь «вторичному» творцу, будет включать лишь несколько пунктов. Не претендуя на законченность и эффективность, мы предприняли попытку создания такой систематики, которая смогла бы дать наиболее общую, краткую и, вместе с тем, разностороннюю информации об имени собственном. Исходя из предлагаемой условной классификации, теоретически возможно будет составить представление о том, какой метод следует использовать для перевода конкретного имени, а также, вероятно, избежать некоторых затруднений и подводных камней.

1) Имя в ближнем контексте. Бессмысленно переводить ономастику в отрыве от текста, неотъемлемым и важным элементом которого она является. Поэтому в данном пункте анализируемое имя собственное даётся в ближайшем окружении (одно-два предложения, по которым можно судить о контексте употребления имени). Для большей полноты правильной было бы, конечно, приводить все случаи его упоминания, но мы ограничимся только самой первой или же наиболее показательной ситуацией, обозначив (приблизительно), насколько часто употребляется имя.

2) Предметная отнесённость. Не менее полезно указать на сущность объекта имени. За основу удобно взять классификацию имён в связи с именуемыми объектами, разработанную А. В. Суперанской, которая делит все ономастические единицы на три категории, внутри которых представлены следующие разновидности:

1. Имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые (прежде всего антропонимы и зоонимы).
2. Именования неодушевлённых предметов (различные виды топонимов, хрематонимы – названия рукотворных вещей – и многие другие разряды).
3. Собственные имена комплексных объектов (например, названия битв, праздников, исторических событий) [13].

3) Язык. Это, пожалуй, одна из наиболее существенных категорий, прямо влияющая на выбор метода перевода. Если имя дано на синдарине, на квенья, на кхуздуле и на любом другом языке, изобретённом Профессором, то вопрос будет состоять лишь в том, как они следует транскрибировать и нужно ли совершать какие-либо звуковые или грамматические преобразования (те же *Mountains of Lune*, которые явно не стоит вслед за некоторыми переводчиками передавать как Горы Лун). Это относится и к роханскому языку («передан» староанглийским). Специфика всех остальных имён, которые Толкин «перевёл» с Вестрона, будет выясняться уже из последующих пунктов.

4) Отношение к реальности и происхождение. Толкин не только изобретал свои имена, но и активно заимствовал из реальной жизни, литературы или мифологии, поэтому такой критерий тоже важен. Здесь также будет дана краткая этимологическая справка на основе Руководства [2] и других источников.

5) Время (эпоха) и номинация. Хронотопические (пространственно-временные) характеристики владельца имени собственного иногда могут оказать существенное влияние на семантический перевод. Кроме того, в текстах Толкина распространено явление полионимии (многоимённости персонажей, мест, предметов), которое тоже должно быть отражено в этом пункте.

6) Пространство (локус Арды в целом и Средиземья в частности).

Используя данную систематику, мы предпримем попытку рассмотреть несколько непростых для перевода имён собственных и определить способ, которым предпочтительнее переводить каждое из них. Повторим вновь, что описанная классификация сама по себе не представляет особой ценности и не является новой; она лишь упрощает и структурирует анализ, позволяя рассмотреть имя на разных уровнях его существования в тексте.

Пример 1 – *Treebeard*.

- 1) “A queer look came into the old eyes, a kind of wariness; the deep wells were covered over. ‘*Hrum*, now,’ answered the voice; ‘well, I am an Ent, or that’s what they call me. Yes, Ent is the word. *The Ent*, I am, you might say, in your manner of speaking. *Fangorn* is my name according to some, *Treebeard* others make it. *Treebeard* will do” [1: 3, с. 72] (далее используется часто для называния владельца-энта).
- 2) Индивидуальный антропоним (имя энта).
- 3) Вестрон (английский).
- 4) Вымышленное. Образовано сложением двух простых английских основ: *tree* (дерево, древесный) и *beard* (борода).
- 5) Вторичная номинация. Является переводом имени *Fangorn* с синдарина. Фангорн по номинации также является вторичным именем; настоящее имя энта неизвестно. В первичной номинации восходит к Предначальным Дням (Вестронский перевод синдаринского имени, конечно, относится к Третьей Эпохе). Кроме того *Treebeard* иногда называется Старейшим (*Eldest*).
- 6) Фангорн, затем Айзенгард.

Хотя это имя уже довольно часто подвергалось анализу (например, у М. Хукера оно разбирается отдельно [15]), мы сочли нужным ещё раз рассмотреть его.

Уже из этимологии имени очевидно, что оно является значимым (но не «говорящим», поскольку почти не сообщает информации о сущности референта), то есть должно быть переведено семантически. Антропоним составлен из простых и вполне понятных английских основ, а также является вымышленным; отсюда следует, что методы, которые следует совместить при переводе – создание **неологизма и калькирование**. При воссоздании имени

желательно также руководствоваться словообразовательной моделью оригинала (принцип сложения основ).

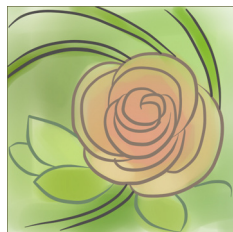
Более того, обладая особыми хронотопическими характеристиками, имя *Treebeard* в переводе, на наш взгляд, должно подчёркивать древность своего владельца и окружающего его пространства (леса Фангорн). Это означает, что перевести обе части слова желательно не нейтрально, а с оттенком архаичности. В пользу этого говорит и тот факт, что это имя тоже является семантическим переводом *Fangorn* (синд. *orn* – «дерево», *fang* – «борода»). В «Руководстве» Толкин обращает внимание именно на эту особенность и советует переводить имя по смыслу.

Более того, в данном случае вполне оправданно учесть и такую характеристику имени как его протяжённость (звуковую и буквенную). Вестронский перевод имени *Fangorn* не намного длиннее своего оригинала, поэтому *Treebeard* и на русском по возможности должен быть коротким и легким для произношения.

В различных русских переводах «Властелина Колец» это имя переведено так: Г. (ориг.): Древоград [14]; ГГ и КК: Древобород; ВАТ: Древоград, КМ: Древень, Н: Древес, ВАМ: Древесник. Лучше всех, по нашему мнению, со своей задачей справились оригинальный (неотредактированный) Грузберг и непопулярный (но весьма изобретательный) Волковский. Они передали обе части имени устаревшими словами «дерево» и «брада», в результате чего для русского читателя антропоним приобрёл особое архаическое звучание, вполне согласующееся с сущностью самого Древограда, старейшего из онодримов, и с хронотопом леса Фангорн. Здесь не наблюдается никакой русификации или «ославянивания», тем более что «корень слова *древо* – на самом деле праиндоевропейское слово...» [15]. **Звуковая и графическая протяжённость имени *Древоград*, к тому же, условно близка оригинальному *Treebeard*.**

В вариантах ГГ и КК вторая часть имени остаётся стилистически нейтральной, а самому антропониму свойственна большая долгота, поэтому такой перевод представляется менее удачным (впрочем, оправданность архаизации в данном случае остаётся всё-таки под вопросом). Остальные же переводчики (КМ, Н, ВАМ) совсем опустили вторую основу и перевели только “tree”, поставив вместо «бороды» произвольные морфемы (Кистяковский в очередной раз использовал своё излюбленное *-ень*, Немирова онимизировала старинное слово «древеса» в родительном падеже, а ВАМ к этому же существительному прибавила суффикс *-ник-*, что будто бы указывает на профессию почтенного энта – по аналогии с лесником).

Уже из такого поверхностного анализа можно заключить, что вариант *Древоград* (Г, ВАТ) оказывается лучше других неологизмов.

Здесь, однако, возникает довольно нежелательное смыслоискажающее созвучие (Древобрад – Древобрат), которое, впрочем, ощутимо лишь при устном воспроизведении имени. В *Древобороде* такой проблемы не наблюдается, но этот перевод представляется менее удачным по изложенным выше соображениям.

Пример 2 – *the Redhorn*.

- 1) “Yonder stands Barazinbar, the **Redhorn**, cruel Caradhras; and beyond him are Silver-tine and Cloudyhead: Celebdil the White, and Fanuidhol the Grey, that we call Zirakzigil and Bundushathûr” [1: 2, с. 89] (используется не очень часто наряду с названием на синдарине).
- 2) Ороним (название горы).
- 3) Вестрон (английский).
- 4) Вымышленное. Образовано сложением двух простых английских основ: “red” («красный») и “horn” («рог»).
- 5) Вторичная номинация. Также является переводом с синдарина (эльфийское имя – *Caradhras*). Известно также название этого пика на кхуздуле – *Barazinbar*, обладающее той же семантикой. Восходит к Предначальным дням (правда само название *Redhorn* возникло в Третью эпоху).
- 6) Мглистые горы (*the Misty Mountains*).

На первый взгляд, метод, который следует выбирать для перевода этого онима, должен быть точно такой же, как и для предыдущего рассмотренного имени (*Treebeard*). Это мотивировано прежде всего пунктами 3, 4 и 5 предлагаемой систематики. Тем не менее, если попытаться, как и в прошлом случае, совместить создание неологизма с калькой, то получится *Краснорог* (именно так перевели КК). Но такой вариант перевода имени собственного в отрыве от контекста будет звучать и восприниматься скорее как антропоним или зооним. Специфика топонимии в данном случае оказывает ощутимое влияние на выбор принципа перевода. Конечно, *Redhorn* как собственное имя, образованное от нарицательных слов, включает в себя одно составное слово, а не два. Это обусловлено тем, что данное наименование создано путём метафорической онимизации: под рогом понимается не рог в собственном смысле, но гора с острым пиком. Такая метафора очевидна для английского читателя, но для русского это имя, будучи переведено как *Краснорог*, на наш взгляд, потеряет художественную силу, поскольку акцент будет сделан не на существительном «рог», а, вероятнее, на его предикате «красный». Если объект обладает именем *Краснорог*, то русский человек, задумываясь над значением, прежде всего обратит внимание на признак «красный». Свойство обладания рогом или рогами будет по умолчанию (и в данном случае – совершенно ошибочно) приписано референту имени. Подобным же образом в сходных именах и названиях, таких как *Большерог*, *Долгоног*, *Длиннохвост* (да и тот же конь Теодена *Снежногрив*), существенным будет именно специфици-

ческое свойство, сообщаемое части тела живого существа (носителя имени) и позволяющее выделить объект из числа других сходных с ним обладателей рогов, ног и хвостов.

Помимо указанной проблемы, сопряжённой со спецификой русской ономастики, можно наблюдать противоречие между формальным показателем (количество слов) и стилистикой имени. Безусловно, в данном случае приоритетным является именно план содержания онима. По нашему мнению, куда важнее правильно осмыслить метафору, чем сохранить целостность плана выражения. Поэтому представляется верным отказаться от создания неологизма и применить только метод так называемой художественной кальки, причём каждый из словообразующих корней передать отдельным словом. Остальные переводчики поступили с *Redhorn* так: КМ, Н, ВАМ: Багровый Рог, ВАТ: Багряный Рог, ГГ и Г (Грузберг-А): Красный Рог. Варианты ВАТ и КМ (а также Н и ВАМ), на наш взгляд, являются наиболее удачными.

Тем не менее, между прилагательные «багровый» и «багряный» – отнюдь не синонимы. Последний цвет – более «поэтический», благородный (вспомнить хотя бы первую строку известного стихотворения А. С. Пушкина – «Роняет лес багряный свой убор...»), то есть стиль этого прилагательного возвышенный и торжественный. Кроме того, «багряный» и «багровый» – это разные оттенки красного цвета. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля сказано, что «багровый – червлёный, пурпурный, самого яркого и густого красного цвета, но никак не с огненным отливом, а с едва заметной просинью. <...> Багряный – червлёный же, но менее густой, алее, без синевы; это самый яркий, но и самый чистый красный». Если вспомнить ошибку Сэма, который решил было, что *Redhorn* и есть конечная цель путешествия и спутал её с Огненной Горой (*Fiery Mountain*) [1: 2, с. 93], то для сохранения огненной тематики на уровне цвета удачнее будет именно *Багряный Рог* (вариант ВАТ). Однако такое тонкое различие оттенка, пожалуй, уже не воспринимается русским читателем. К тому же, перевод “red” как «багряный» предполагает необходимость перевода *the Red Eye* как *Багряный Глаз*, что стилистически будет уже не столь оправданно (едва ли название атрибута Тёмного Властелина может быть поэтично, тем более что оно часто употребляется орками). Именно поэтому версия КМ *Багровый Рог* (и, соответственно, *Багровое Око*) представляется самым удачным вариантом перевода этого названия, и, пожалуй, лучшим из потенциально возможных. Контекстуально это подтверждается ещё и следующим описанием: “On the third morning Caradras rose before them, a mighty peak, tipped with snow like silver, but sheer naked sides, dull red as if stained blood” [1: 2, с. 94]. Очевидно, что к “dull red” (тускло-красному) и оттенку крови ближе именно багровый цвет.

Итак, художественную кальку *Redhorn*'а Багровый Рог можно было бы назвать «украшательством» и вольностью, если бы такой перевод не подтверждался контекстом. Можно даже сказать, что он отчасти возмещает вынужденный отказ от создания неологизма

наподобие Краснорога (то есть потери «переговоров» [17] между оригинальным текстом и переводным компенсируются).

Пример 3 – the Gaffer.

- 1) “No one had a more attentive audience than old Ham Gamgee, commonly known as **the Gaffer**” [1: 1, с. 28] (используется okazionalmente для называния владельца, а также в качестве апеллатива – имени нарицательного).
- 2) Индивидуальный антропоним (прозвище хоббита).
- 3) Вестрон (английский).
- 4) Вполне реальное прозвище. Образовано онимизацией английского разговорного “gaffer” – «старик».
- 5) Вторичная номинация (прозвище хоббита Хэма Гэмджи), Третья Эпоха.
- 6) Шир, Хоббитон, Бэгшот Роу (Bagshot Row).

Простое прозвище лишь на первый взгляд представляется легким для перевода. Из разряда онима и его этимологии очевидно, что переводить следует семантически – калькировать в соответствии со словарной дефиницией (конечно же, с учётом стилистики) или же постараться провести функциональную замену. Создание неологизма в данном случае неуместно.

Кроме того, при переводе прозвища *the Gaffer* необходимость учитывать контекст употребления усилена чрезвычайно. Дело в том, что Сэм называет своего отца не только «с заглавной буквы», но и употребляет исконную нарицательную форму, например: “Live and learn! as my gaffer used to say” [1: 2, с. 172]; “It’s the job that’s never started as takes longest to finish, as my old gaffer used to say” [1: 2, с.192]. Из этого следует, что и воспроизведённое на русском языке прозвище должно с лёгкостью деонимизироваться, превращаясь просто в ироническое и несколько фамильярное название отца. В русском языке наиболее стилистически и функционально эквивалентными вариантами будут, например, «бать» или «папаша», однако в качестве прозвища, которым Хэма Гэмджи называют жители Хоббитона, и то, и другое слово, очевидно, едва ли может фигурировать: так называть старого садовника способен только его сын (по сходной причине не подходит и «дед»). Пожалуй, единственный адекватный вариант прозвища, могущего одновременно быть и контекстуальным синонимом «отца» – Старик.

Теперь посмотрим, как было переведено рассматриваемое имя в анализируемых нами переводах. КМ: Жихарь; ВАМ: Дед; ГЗ: Гаффер; ВАТ: Старбень; КК: Старикан; ГГ: Старичина, Н: Старик. Не станем подробно комментировать каждый вариант, здесь достаточно сказать, что версии КМ (русифицирующее уподобление) и ВАТ (неологизм) не позволяют провести деонимизацию в контексте употребления, поэтому переводчикам приходится либо оставлять большую букву во всех случаях (так поступают ВАТ), либо же использовать слово «старик» (КМ). Из-за этого, конечно, сразу пропадает всякая системность. Точно так же поступают ГГ и

КК, чьи варианты не могут быть апеллятизированы обратно. Примечательно, что в электронной версии перевода А. А. Грузберга (Грузберг-А) *the Gaffer* переведено как *Старик*, однако, имея возможность и необходимость употребить нарицательное слово «старик», переводчик везде оставляет заглавную букву. Из-за этого возникает ощущение, что Сэм чуть ли не обожествляет своего отца: «Живи и учись – как говорил обычно мой Старик» [5, с. 266].

Итак, установленный метод, продиктованный нам контекстом, – нейтральное калькирование (**Старик**). Возможно, прозвище, переведённое таким способом, потеряет художественную выразительность, но зато проблема, связанная с системностью, будет решена.

Пример 4 – *Hardbottle*.

- 1) “She [Lobelia Sackvill-Baggins] gave it back to Frodo, and went to her own people, the Bracegirdles of **Hardbottle**” [1: 3, с. 167] (встречается в тексте романа лишь однажды).
- 2) Комоним (название поселения).
- 3) Вестрон (английский).
- 4) Вымышленное. Состоит из “**hard**” («**твёрдый**», «**крепкий**») и “**bottle**” (топонимический элемент; от древнеангл. “**botl**” или “**bold**” – «поселение», с бутылками никак не связано). Означает «твёрдое, прочное жилище» (“**hard dwelling**”) [2].
- 5) Третья эпоха, первичная номинация.
- 6) Шир, Северный Фартинг (**Northfarthing**). Скалистым ландшафтом локуса обусловлена семантика: это поселение «выдолблено в камне или построено из него» (“**hard because excavated in or built of stone**”).

Несмотря на то, что это название употребляется лишь однажды, оно представляется весьма трудным для перевода. Выбор метода будет зависеть не только от собственных лингвистических характеристик имени, но и от напрямую связанных с ним *Bracegirdles*. Здесь речь идёт о подобии способов перевода: в том случае, если переводчик решит транскрибировать хоббитскую фамилию, то не будет оснований для семантического перевода названия родового селения их носителей. Впрочем, мы склонны утверждать, что для передачи большинства значащих хоббитских фамилий следует использовать неологизмы, то есть более подходящим методом для перевода комонима *Hardbottle* будет именно создание неологизма (что мотивировано, конечно, и происхождением имени).

КМ, переведя *Hardbottle* как *Крепкотук*, верно отразили семантику прочности, но, добавив элемент «тук» (чернозём, перегной), связали её не с камнем, а с землёй; тех же результатов они бы добились, если бы перевели это имя как, скажем, *Крепкозем* (в таком случае оно, впрочем, хотя бы понятнее для простого читателя). Такое обеднение значения, вызванное не сужением, а, можно сказать, обобщением, не окажет существенного влияния на читателя, и, вероятно, вовсе не будет замечено им (вновь напоминаем, что название упоминается в тексте один раз и даже не нанесено на карту Шира). Тем не менее, нарушена логика номинации, мотивированной каменистым характером местности Северного Фартинга (*Northfarthing*). В

этом отношении более верный вариант был предложен ВАМ – *Камнеботл*, однако здесь переводчица транскрибировала вторую часть слова, создав двуязычный неологизм, не вполне ясный для русского читателя, который, зная английский хотя бы немного, ошибочно свяжет элемент «ботл» с бутылкой (также “bottle”). На самом деле, даже не всякий современный англичанин знает о таком значении слова “bottle”, как «поселение», поэтому такое непонимание может возникнуть и при осмыслении оригинального имени (данное затруднение не решает, конечно же, и вариант Грузберга, состоящий, как нетрудно догадаться, в полной транскрипции имени). Этот факт подтверждает то, что рассматриваемый оним лучше воспроизводить при помощи имятворчества.

Интересная версия наблюдается в переводе КК – хутор *Выдолбы*. С некоторой претензией на русификацию (стилистически более нейтральным и вместе с тем подходящим было бы слово «деревня») переводчицы деонимизировали вторую часть названия и выполнили формально менее точный, но семантически куда более верный перевод; каменистость здесь передана опосредованно (через корень «долб» в таких глаголах, как «долбить», «выдолбить»), но в то же время намёк на неё вполне прозрачен. Другой вариант, *Каверн* (Н), представляется неудовлетворительным, поскольку способен возбудить неверное представление о *Bracegirdles* как о семействе хоббитов, живущих в пещерах (кавернах), что «породнит» их с гномами или даже с гоблинами. О прочности или каменистости здесь также не сказано.

Поскольку хоббиты обитают всё-таки в норах, такой перевод, как, например, *Камненоры* (или *Камненор*) мог бы оказаться контекстуально обусловленным. В то же время, вполне возможно найти лучшие варианты для семантического воспроизведения *Hardbottle* в русском языке.

Пример 5 – *the High Hay*.

- 1) “Their land was originally unprotected from the East; but on that side they had built a hedge: **the High Hay**. It had been planted many generations ago, and was now thick and tall, for it was constantly tended” (в полной форме употребляется редко, чаще в сокращённой).
- 2) Название оборонительного сооружения.
- 3) Вестрон (английский).
- 4) Вымышленное. Состоит из двух коротких слов – “high” («высокий») и “hay” (в данном случае «ограда», а не «сено»). Примечательна аллитерация на “h” и фонетическая близость частей имени. Известно также, что в 1916-1917 годах Дж. Р. Р. Толкин жил недалеко от деревни *Great Haywood* (*hæg-wudu* на древнеанглийском означает ‘enclosed wood’ – «огороженный лес», то есть в этом топониме “hay” принимает именно такие значения, как «ограда», «заплот»); кроме того, в Легендариуме встречается деревня с названием *Tavrobel* (‘wood-home’), произошедшим как раз от *Great Haywood*.

- 5) Первичная номинация, Третья Эпоха. Используется и в сокращённом варианте – *the Hay*.
- 6) Шир, Бакланд и Старый Лес (на границе двух локусов).

Данное название состоит из двух коротких слов, близких по звучанию. По нашему убеждению эту особенность крайне желательно сохранить при семантическом переводе (в том, что это имя собственное следует переводить по смыслу, сомнений быть не может).

Аллитерацию удалось передать В. Каррику и М. Каменкович, которые перевели рассматриваемое имя как *Защитный Заслон*. В то же время слово «заслон» является не вполне удачным и не отражает сущности того, что у Толкина называется “hay” (близко к “fence”). Хотя из контекста читателю становится вполне ясно, из чего и каким образом возведён *the High Hay*, но постоянная необходимость употреблять *Заслон* (как сокращённый вариант), негативно сказывается на восприятии имени. В поисках лучшего варианта обратимся к тем переводам, которые мы не рассматривали ранее, а именно к пересказам. Здесь представляется более удачной версия Л. Л. Яхнина – *Пограничная ограда*. Несмотря на то, что утрачена аллитерация на начальные звуки имени, фонетическое сходство частей слова подчёркнуто в должной мере (присутствует созвучие корней). «Ограда», к тому же, подходит явно лучше, нежели «Заслон» (единственный недостаток в том, что у Яхнина «ограда» в отдельности не является собственным именем). С другой стороны, не вполне ясно, насколько оправдан перевод “high” словом “пограничный” (сомнителен, в сущности, и такой предикат, как «защитный»). Впрочем, установленный нами метод перевода, которым желательно переводить рассматриваемый оним – это отнюдь не калькирование, а семантический перевод (тяготеющий к уподобляющему) с установкой на передачу формальной особенности, что даёт возможность отступить от соответствия предикатов (тем более что имя употребляется в основном в сокращённой форме без прилагательного). Такая установка оправдывается также тем, что не все носители языка знают о редком значении “hay” в *the High Hay* (как и в случае с *Hardbottle*).

По другому, более лёгкому (но сопряжённому с чрезмерными потерями) пути, пошли многие другие переводчики, просто опустив первую часть имени даже в тех случаях, в которых оним приводится полностью – ГГ, ГА: Заплот; ВАМ: Загородь; Н: Переплетень; ВАТ: Тын; ГЗ: Изгородь. В варианте КМ – *Отпорная Городьба* (использован также в более ранней редакции перевода В. А. Маториной) – предикат сохранён, но обозначенная звуковая специфика не передана. Излишне уже говорить о свойственной переводу Кистяковского и Муравьёва русификации (Городьба).

Итак, если использовать упомянутый метод, то лучшей его реализацией представляется вариант Яхнина с онимизированной «оградой» (то есть *Пограничная Ограда*). Впрочем, калькирование названия (например, *Высокая Ограда*) вернее передаст лексическое значение имени, однако потеря важного фонетического компонента в этом случае неизбежна, поэтому такой способ перевода расценивается нами как менее подходящий и оправданный.

Пример 6 – *Silverlode*.

- 1) “There lies the Mirrormere, and there the River **Silverlode** rises in its icy springs.’
 ‘Dark is the water of Kheled-zâram,’ said Gimli, ‘and cold are the springs of *Kibil-nâla*.
 My heart trembles at the thought that I may see them soon” [1: 2, с. 90] (встречается в тексте не очень часто, но в повествовании фигурирует напрямую).
- 2) Потамоним (гидроним; название реки)
- 3) Вестрон (английский)
- 4) Вымышленное. Получено путём сложения основ “silver” (серебряный) и “lode” (течение, источник).
- 5) Вторичная номинация (Третья Эпоха). Восходит к синд. *Celebrant* с тем же значением. Эльфийский вариант также является переводом с кхуздула первичного названия этой реки – *Kibil-nâla*.
- 6) Мглистые горы (the Misty Mountains), Димрильская Долина (Dimrill Dale).

Поскольку данный топоним составлен из двух простых основ и является значащим, то, на первый взгляд, **предпочтительный метод перевода будет таким же, как и в разобранном ранее примере 1 (*Treebeard*)**. Однако специфика топонимики и вообще русского языка осложняет передачу. В различных переводах это имя выглядит так: ГГ: Серебрянь; КК и Н: Серебряная Струя (или просто Серебряная); КМ: Серебрянка; ВАМ: Серебринка (в первой редакции – такой же вариант, как у КМ); ВАТ: Серебряный Лог, Среброструйная, Среброструйный Лог; Г: Сильверлоуд (в ред. Александровой – Среброток).

ГГ, КМ и ВАТ пошли по относительно простому пути; полностью исключив вторую основу (“lode”), переводчики трансформировали первую часть по своему вкусу (при этом имя явно «обрусело»). В переводе КК и Н утрачена словообразовательная модель оригинала и вместо метода создания неологизма (на наш взгляд, более подходящего) использовано калькирование. У ВАТ наблюдаются сразу три варианта, два из которых также являются кальками (причём эквивалентность «лога» “lode’y” **очень сомнительна**; Волковский, вероятно, руководствовался подобием звуковых обликов этих слов), третий же – неологизм в форме предиката (*Среброструйная*) с архаической формой слова «серебро». Даже если сама архаизация и обоснованна отчасти, то её воплощение в данном случае следует признать неудачным: древнее «серебро» создаёт некоторое неблагозвучие и даже может породить звуковые ассоциации (например, с «ребром»). Это справедливо и по отношению к версии ГА, где часть речи неологизма сохранена, а элемент “lode” переведён как «ток». Таким образом, если отказаться от названной формы «остранения» имени, то и выполнить перевод неологизмом, то вариант *Среброструйная* окажется, на наш взгляд, лучше своей «состаренной» вариации и различных калек. Единственным недостатком такого перевода оказывается большая протяжённость по сравнению с оригинальным гидронимом, вызванная адъективацией. Сам

по себе переход в форму имени прилагательного обусловлен особенностями и возможностями русской топонимики, которая позволяет употреблять подобные названия как с субъектом (река *Сереброструйная*) так и без него, что вполне оправдывает такую версию перевода.

Пример 7 – *Staddle*.

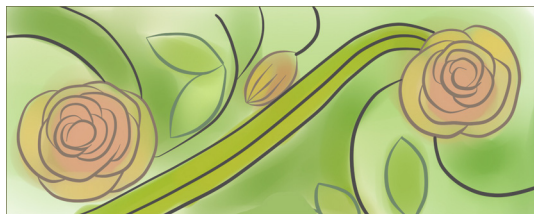
- 1) “Most of the inhabitants of Bree and **Staddle**, and many even from Combe and Archet, were crowded in the road to see the travellers start” [1: 1, с. 237] (упоминается нечасто, в повествовании напрямую не фигурирует).
- 2) Комоним (название деревни).
- 3) Вестрон (английский, диалект).
- 4) Реальное. Является диалектным словом, а также топонимическим элементом со значением «опора, подпора» (зданий, сараев, скирд). Восходит к древнеанглийскому “*staðol*”.
- 5) Первичная номинация, Третья (Вторая?) Эпоха.
- 6) Эриадор, окрестности Бри.

В данном случае выбор метода неочевиден. Сам Толкин в «Руководстве» предлагает оба варианта перевода (транскрипция или семантический). Если попытаться пойти по второму пути, то возникнет необходимость изобрести неологизм или же прибегнуть к уподобляющему переводу (последнее предпочтительней), чтобы раскрыть семантику оригинального названия. В то же время воссоздаваемое имя собственное не должно выделяться в ряду остальных транскрибируемых названий в ближнем контексте (*Бри*, *Арчет*, *Комб*), то есть не быть чересчур протяжённым и многосоставным и тем более не состоять из двух и более слов (поэтому описательный перевод представляется неудобоваримым).

Неудивительно, что русские переводчики воспроизвели это имя очень по-разному: КК: Бут; ГГ: Дворищи; ВАМ: Замостье (или Намостье, а также Залесье); Н: Зароша; КМ: Подстенок; ВАТ: Становище; Н: Старая Порубь; Г: Стэддл. В сущности, почти все варианты или русифицированы, или же весьма далеки от значения оригинального имени собственного. К тому же, коль скоро три остальных комонима в ближнем контексте следует транскрибировать, как было отмечено, то «русский» *Staddle* рядом с ними будет выглядеть странно и неестественно, даже несмотря на то, что «с лингвистической точки зрения, Стэдл — четвертый лишний в Брийской округе» [16]. Необходимо также отметить, что рассматриваемое имя и деревня, которой оно принадлежит, не играют существенной роли в главном повествовании, а просто являются соответственно элементом «полукельтского» ономастикона Бри и географическим объектом, только своим существованием дополняющим общую картину. Поэтому можно утверждать, что значимость онима невелика и поэтому транскрипция (не с двумя «д», как у Грузберга, а всё-таки с одной) будет самым подходящим методом.

Мы подвергли краткому анализу всего несколько непростых примеров, которых, конечно же, гораздо больше (как в сфере антропонимики, так и среди топонимов). Очевидно, что классификация, по которой осуществлялся разбор, имеет существенные недостатки. Например, в рамках систематики (но не самого анализа) рассматривается только ближний контекст имени и лишь определённые аспекты дальнего (хронотопические характеристики), в то время как «полный объём значения, приобретаемого ИС в художественном произведении, актуализируется только на основе целого текста» [11]. Положение имени собственного в системе других имён раскрывается нами только в общих чертах.

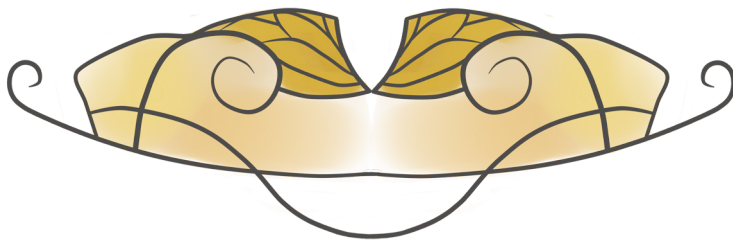
Тем не менее, такая систематика оказывается продуктивной для облегчения анализа имени, а значит (опосредованно) – для решения некоторых проблем перевода имён и названий. В сущности, если дополнить, переработать и унифицировать предложенную нами классификацию и подвергнуть ей все имена собственные во «Властелине Колец», то можно даже составить отдельный справочник. Он во многом был бы подобен переводческому комментарию, однако носил бы систематический характер и давал бы весьма разносторонние сведения о каждом из имён, и, возможно, мог бы даже стать неким подспорьем для выполнения «грандиозной задачи» по очередному воссозданию великого и прекрасного произведения.

Список использованной литературы

1. Tolkien J. R. R. The Lord of The Rings. Seven-volume edition. L.: HarperCollins, 2012.
2. Tolkien J. R. R. Guide to the Names in The Lord of the Rings. / Lobdell J. A Tolkien Compass. La Salle: The Open Court Publishing Company, 1975. P. 153-201.
3. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец. / Пер. с англ. В. Волковского, Д. Афиногенова / Полная история Средиземья. М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2007. С. 181-1084.
4. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец. / Пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 187-1131.
5. Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец: В 3 т. / Пер. с англ. А. Грузберга. [http://kniga2001.narod.ru]. Системные требования: WinRAR; Блокнот. URL: http://kniga2001.narod.ru/bibl/index.htm.
6. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец. / Пер. с англ. А. Кистяковского, В. Муравьёва. М.: АСТ, 2015. 1120 с.
7. Толкин Дж.Р.Р. Властелин Колец. / Пер. с англ., предисл., коммент. В. Каррика, М. Каменкович. М: Издательство АСТ, 2015. 1696 с.
8. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец. / Пер. с англ. В. А. Маториной. [maxima-library.org]. URL: http://maxima-library.org/component/maxlib/bl/series/22207.
9. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец. / Пер. с англ. А. В. Немировой.
10. Толкин Дж. Р. Р. Письма. / Пер. с англ. С. Лихачёвой. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 576 с.
11. Бакастова Т.В. Имя собственное в художественном тексте // Русская ономастика. Сборник научных трудов. Одесса: ОГУ, 1984. С. 157-160.
12. Семенова Н. Г. «Властелин колец»: переводы имён. Словарь-справочник имен и названий из эпопеи Дж. Толкина «Властелин Колец» в русских переводах. М.: ТТТ; СПб: ТО, 2009. 110 с. (Библиотека журнала «Палантир». Выпуск I).
13. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.
14. Хананашвили А. Как это начиналось: Толкин в переводе Грузберга // Палантир. СПб., 2003. №38. С. 3-16.
15. Хукер М. Т. Толкин русскими глазами. / Пер. с англ. А. Хананашвили. М.:ТТТ; ТО СПб, 2003. 302 с.
16. Хукер М. Т. Лингвистический пейзаж Брийской округи // Палантир. СПб., 2002. № 31. С. 6-10.
17. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Пер. с итал. А. Коваля. СПб.: Симпозиум, 2006. 574 с.

Саймон Дж. Кук

Мир Фродо: О происхождении английской мифологии

(Опубликовано в *Tolkien Studies*, vol. 12, 2015, pp. 59-76)

Перевод Натальи Пирожковой

Как хорошо известно, истоки толкиновского Легендариума связаны с желанием создать мифологию для Англии. В настоящем эссе утверждается, что изначальная идея Толкина по поводу того, на что может быть похожа английская мифология, получила своё оформление благодаря раннему знакомству с работой Гектора Манро Чедвика «Происхождение английской нации» (*The Origin of the English Nation*, 1907), вследствие которого он обратил свой взор за пределы Англии. Также здесь доказывается, что книга Чедвика подсказала Толкину некоторые определяющие – и устойчивые – черты его английской мифологии. Но далее формулируется предположение, что взгляд Толкина на Чедвика был не лишен критики и что связи между Легендариумом первого и научными работами последнего не являются однонаправленными. Чедвик предоставил Толкину крайне важный литературный источник; но толкиновский Легендариум заключал в себе критическую переоценку чедвиковского методологического подхода к североевропейским преданиям.

«Происхождение» Чедвика было поворотным пунктом в изучении англосаксов. Поздневикторианские историки Англии обычно предваряли свои работы об англосаксонских поселениях несколькими замечаниями о будущих жителях Англии до завоевания ими Британии. Основываясь на древнеримских источниках, они набрасывали портрет полукочевых варваров, совсем недавно переселившихся с востока [1]. Для Чедвика отправным пунктом стало недавнее археологическое открытие, что балтийские острова и побережье служили домом для оседлых земледельцев со времён каменного века. Далее он заявил, что римляне описывали германские племена на Рейне и Дунае, с которыми они контактировали, а континентальные

будущие англичане принадлежали к более северному приморскому тевтонскому миру, о котором римляне знали мало. Истоки английской нации, как утверждал Чедвик, должны быть обнаружены путём пристального изучения английских поэм и преданий, дополняемых преданиями раннескандинавскими.

Толкин принадлежал к первому поколению студентов, набравшихся научного опыта из чедвиковского «Происхождения». Свой итоговый экзамен по *Literis Anglicis* (английскому языку) он сдал в 1915 г., менее чем через десятилетие после публикации книги Чедвика, и в некоторых заданных ему вопросах отражались научные споры, порождённые чедвиковскими революционными аргументами [2]. Толкин, в чем мы можем быть уверены, бережно и внимательно прочел «Происхождение английской нации» накануне экзаменов. Тем не менее, Чедвик был учёным из Кембриджа, и его влияние на изучение англосаксонской культуры, возможно, в Оксфорде было оценено не вполне. Обратившись к «Беовульфу» и исландским сагам, Чедвик тесно связал изучение истории и чтение северной литературы. Толкин, как хорошо известно, не раз яростно протестовал против того, что он считал излишним вниманием к историческому или антропологическому аспекту в ущерб оценке литературных достоинств при изучении этих текстов. Но его протест основывался на признании того, что эта литература действительно проливает свет на тёмную предысторию Севера. Например, в своих лекциях об истории Финна, приводимой и в «Беовульфе», и в Финнсбургском фрагменте, Толкин утверждает, что история Финна – «центральное в ряду переплетенных и захватывающих событий, произошедших в северных водах, которые привели к колонизации Британии германцами» (*Finn and Hengest* 12). [3]

План остальной части этого эссе выглядит следующим образом. Мы начнём с обзора интерпретации протоанглийских мифологических преданий, представленных в чедвиковском «Происхождении английской нации». Затем высказывается предположение, что результаты работы студента Толкина с книгой Чедвика, вываренные в котле его воображения во время военной службы на Западном фронте, в значительной степени сформировали его представление о корпусе этих более или менее связанных легенд, которые он решил посвятить Англии. С северными преданиями, рассмотренными Чедвиком, в частности, связаны две темы из «Книги Утраченных сказаний»: толкиновская идея об Эарендиле как полуэльфе имеет отношение к древнему преданию о богине земли Нерте, взявшей себе в мужа смертного, в то время как туманный образ Инга, содержащийся в нескольких ранних толкиновских набросках к историям, как выясняется, берет начало в книге Чедвика. В следующей части отмечается, как Толкин развивает идею браков между людьми и эльфами в 1920-е гг., и рассматривается, как рассказ Толкина об истории «Короля Шива» в 1930-е не только развил его раннее представление об Инге, но также вновь соединил его с более ранними преданиями, связанными с Нертой. В завершающей части статьи показано, как эти две разные темы были объединены в заключительных главах «Властелина колец», и предполагается, что такой синтез является показателем «католической» переоценки Толкином чедвиковской «протестантской» интерпретации раннего северного язычества.

Чедвик и супруги Нерты

«Происхождение английской нации» начинается с англосаксонской Англии и возвращается к предшествовавшим завоеванию древним племенным истокам английского народа. У Чедвика главы о ранней англосаксонской Англии подчеркивают определённые отличительные черты общественного строя англосаксонских королевств, из которых делается вывод, что еще до заселения Британии англы завоевали саксов. Сами англы определяются как балтский народ, осевший в Ангельне в Шлезвиге до времён Тацита. Это последнее утверждение впоследствии подкрепляется масштабными исследованиями изначальных северных преданий, представленными в двух важных главах (X и XI). Идентифицируя и связывая друг с другом различных северных богов и культурных героев, Чедвик, по сути, схематически обрисовывает северное культурное единство, в котором общий, хотя и развивающийся, набор традиционных ассоциаций объединяет идеи брака божества с человеком, сельскохозяйственного плодородия, королевского происхождения, морского путешествия и памяти о временах мира и безопасности.

В «Германии» Тацит заявляет, что англы – одно из нескольких германских племён, поклоняющихся богине земли по имени Нерта, чей культ связан с безмянным островом. Прочитав соответствующую фразу из Тацита, Чедвик указывает, что имя древнескандинавского бога Ньёрда из более поздних преданий фонетически эквивалентно имени «Нерта» и что оба они ассоциируются как с плодородием, так и с водой (Chadwick 240) [4]. Чедвик добавляет, что Фрейр, сын Ньёрда, также ассоциируется с подобным культом (244). Но Ньёрд и Фрейр – мужчины, а Нерта – женщина: различие полов, которое смущало многих комментаторов. Ответ Чедвика был кардинально новым, но, кажется, в последующей литературе нашел не столь много сторонников. Он полагает, что божество сменило пол в период между временем Тацита и поздней эпохой викингов, и промежуточной стадией этого является поклонение Фрейе, дочери Ньёрда (246–247, 253). В ходе этой трансформации исконно женское божество, связанное с плодородием и земледелием, превратилось в мужское, прославляемое как отец-основатель королевской династии – например, Фрейр представлен в «Саге об Инглингах» как правитель свеев, унаследовавший власть от отца, Ньёрда (244).

Чедвик ищет родственные культы в датских и англосаксонских преданиях. Он начинает с Фроди, короля-миротворца из датской легенды, который связан с Фрейром и чьё правление, как рассказывают, было временем великого спокойствия и процветания, так что в те дни даже золотые кольца оставались на большой дороге нетронутыми (257). Но Чедвик доказывает, что Фроди все время показывается полностью отличающимся от богов и, следовательно, не может быть связан с культом Нерты. Затем он обращается к богине данов Гевьон, двойнику Фрейи, которая ассоциируется с земледелием и чей культ связан с островом Зеландия. Это позволяет Чедвику заявлять, что Зеландия – тот остров, на котором изначально практиковалось почитание Нерты (267). Возвращаясь к английским преданиям, он отмечает место, отводимое в королевских генеалогиях Скьёльд, ребёнку, именуемому в «Беовульфe» Скильд Скевинг, который, по преданию, приплыл один на лодке со снопом зерна. Он утверждает, что сноп зерна был изначальным элементом в истории Скильда, и указывает, что Скильд – то же самое лицо, что и Скьёльд, первый король данов и муж богини земледелия

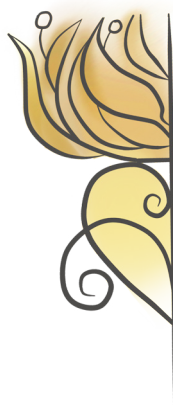
Гевьон (282–283). Таким образом, показано, что англы, наряду со свеями и данами, сохранили предания, которые можно возвести к первоначальному культу Нерты, описанному Тацитом.

Стержнем чедвиковской интерпретации северных преданий является идея переноса божественного статуса с женщины на мужчину. В самых ранних записанных преданиях у нас имеется смертный супруг богини. В поздних преданиях у нас есть мужчина-основатель королевской династии, которому приписываются божественные характеристики. Чедвик доказывает, что это один и тот же персонаж, превратившийся из смертного супруга в самостоятельное божество. Из этого превращения Чедвик, помимо прочего, делает вывод, что у северных племён королевская власть исторически произошла от жреческой: жрецы, считавшиеся супругами богини, сами превратились в представителей божественной власти – иными словами, в королей (267). Таким образом, например, как объясняет Чедвик, у свеев изначальным воплощением божества была королева, а короли были всего лишь мужьями богини Фрейи; но с течением времени, в соответствии с общим патриархальным развитием северного общества, короли свеев стали воплощениями бога-мужчины Фрейра.

Чедвик отождествляет изначального смертного супруга богини земли Нерты с таинственным персонажем по имени Инг, который со временем стал почитаться в качестве божества (290). Согласно древнеанглийской «Рунической поэме», Инга «впервые увидели люди из племени восточных данов», но вслед за этим он «уплыл по волнам на восток» (Dickins 21). Чедвик рассматривает эти строки не только как указывающие на божественность Инга (даны были первыми людьми, увидевшими Инга), но также как обосновывающие идентичность Инга и Скильда – оба некоторое время пребывали среди данов, пришли, как видится, из нечеловеческого мира, и, наконец, уплыли за море, возможно назад в тот мир, откуда прибыли (287-289). Следовательно, Инг и Скильд оба начали свою мифологическую «карьеру» как смертные супруги богини, но окончили ее самодостаточными основателями королевских династий божественного происхождения.

От этих и им подобных доказательств Чедвик переходит к следующим выводам, касающимся места Инга в происхождении английской нации. Во-первых, *Inguaeones*, о которых упоминают древнеримские авторы – это те племена Балтийского и Северного морей, которые поклонялись богине Нерте и вдобавок верили, что сами они происходят от общего предка, весьма вероятно Инга. Во-вторых, от этих *Inguaeones* первого века происходят *Ingwine* шестого века, упоминаемые во многих германских текстах, таких как (древнеанглийский) «Беовульф» (296). Эти *Ingwine* некогда поклонялись богу Ингу. Иначе говоря, те же самые северогерманские племена, которые когда-то чтили Инга как мужа богини Нерты, в конце концов начали почитать Инга как бога. Наконец, в число этих северных племён входят и англы, и даны.

Чедвик модернизировал научное понимание английских истоков. В книге «Эпоха викингов» (1889) уроженец Америки Поль дю Шайю выступал за скандинавское происхождение английской нации, заявляя, что так называемые саксы на самом деле были норманнами с Балтики. В обзорной статье 1890 года в журнале «Спектейтор» (*The Spectator*)

заклучен тот закономерный скептицизм, с которым данный тезис был принят в Англии: «английский язык до настоящего времени сохраняет теснейшие связи с диалектами основного нижнегерманского ареала, с фризским и нижнесаксонским. Требуется ли еще ответ на теорию господина дю Шайю?» [5] Для учёных середины викторианской эпохи этнологические связи однозначно определялись родством языков. Чедвик не последовал этой попытке заново открыть саксов как скандинавов и вместо этого подчеркнул балтийское происхождение англвов. Тем не менее, его общий тезис весьма сильно напоминает дю Шайю, так как служит, чтобы отделить англичан от современных немцев и поместить их в круг скандинавских народов. По существу, «Происхождение» Чедвика знаменует собой два различных момента в развитии науки. С исторической точки зрения, ассоциирование континентальных англвов скорее со Скандинавией, чем с Германией превратилось из маргинальной теории в мейнстрим. С точки зрения методологии исследование родственных связей народов через родство языков открыло дорогу к изучению родства культур путём филологического изучения фольклора и сказок. Толкин стал преемником обоих этих нововведений и, таким образом, выступает как современный, а не викторианский, филолог.

«Книга Утраченных сказаний»: Эарендиль и Инг

Намерение Толкина создать особую английскую мифологию не может быть полностью понято без осознания того, как Чедвик продемонстрировал совершенно новый взгляд на источники, мифы и предания англичан периода до завоевания Британии. Чедвик не только переопределил, кто такие англичане или, по крайней мере, откуда они появились, но ещё и сделал это, по большей части, через толкование мифов и преданий, которые, как было показано, являются общими у англвов до завоевания и других балтийских племен, таких как даны. В общем, только когда мы примем во внимание научные достижения Чедвика, тогда можно будет понять, почему столь многое в толкиновской мифологии, предполагавшейся как английская, имеет скандинавские корни. Но, кроме того, существует как минимум два-три места, в которых возможно связать специфические мифологические концепции молодого Толкина с его недавним знакомством с книгой Чедвика [6].

Как хорошо известно, в 1914 году Толкин обнаружил имя Эарендиль в поэме «Христос I» из Эксетерской книги и вдохновился на создание собственного стихотворения «Странствие Эаренделя Вечерней Звезды». Хамфри Карпентер в биографии Толкина провозглашает это стихотворение «началом собственной толкиновской мифологии» (Carpenter 72). Но как указывает Джон Гарт, Эарендиль во многом оставался в воображении Толкина одиноким персонажем, до тех пор пока, вскоре после битвы на Сомме, Толкин не «одарил его, наконец, родословной. Эаренделю следовало быть наполовину человеком, но наполовину номом (или *нолдо*): сыном отца-человека *Туора* и матери-фэри *Идриль*» (Garth 214). Очевидно, что истории, сопровождавшие встречу родителей Эаренделя, а также их последующую судьбу, сформировали ядро оригинальной толкиновской концепции «Книги

Утраченных сказаний». В заключении «Истории о Науглаффринге» сказано: «судьбы всех фэери сплелись в единую нить, и нить эта – великое сказание об Эарендиле» (*The Book of Lost Tales-II*, 243). Вовсе не сочинение стихотворения 1914 года знаменует собой рождение толкиновской мифологии, но включение Эаренделя в генеалогию, произошедшее несколько лет и одну мировую войну спустя.

Я полагаю, что чедвиковское «Происхождение» может пролить свет на ту внутреннюю работу воображения, благодаря которой зародилась генеалогия Эарендила. По мнению Гарта, Толкин, давая Эарендилю эльфийскую мать и смертного отца, вышивает по канве «старинного мотива невесты-фэери» (217). Наше изучение чедвиковского «Происхождения», однако, предполагает, что Толкин, возможно, рассматривал сами эти старые истории о невестах-фэери лишь как слабое эхо гораздо более древних преданий о браках бессмертных со смертными. А именно – я предполагаю, что брак Туора и Идриль мог быть представлен Толкином как изначальное бракосочетание человека и бессмертной, слабое воспоминание о котором в более поздние времена дало начало сперва древним мифам о смертных мужчинах, которые становились мужьями бессмертных богинь, а позже всем тем народным сказкам о молодых людях, женившихся на королевах-фэери. Генеалогия Эаренделя, таким образом, предстаёт как первый опыт Толкина в конструировании «истории под знаком астериска» – гипотетической истории, которая служит для объяснения преданий (вероятно, перепутанных, противоречивых и обрывочных), которые до нас дошли (Shippey, *The Road to Middle-earth*, 15–18). С этой точки зрения, Эарендель появился в результате глубокого размышления над теми самыми северными преданиями, в которых Чедвик обнаружил начала английской нации. Конечно, это предположение остаётся на уровне спекуляций. Но показав, в этом и следующем разделе, как на разных, хотя и взаимосвязанных, фронтах Толкин несомненно задействует чедвиковское исследование северных преданий, я надеюсь обосновать это своё заявление не только как правдоподобное, но даже как вероятное.

Связь между «Происхождением английской нации» и «Книгой Утраченных сказаний», в которой мы находим самые ранние мифологические тексты Толкина, может быть продемонстрирована через таинственного Инга. «Книга Утраченных сказаний» открывается «Домиком Утраченной Игры», который был сочинён зимой 1916–1917 гг. и предполагался в качестве введения к запланированному, но неоконченному сборнику. В этом рассказе Эриол, англ из времён до завоевания, слушает истории эльфов и об эльфах и узнаёт, среди прочего, об Инвэ, короле эльдар, который привёл эльфов в земли людей (*The Book of Lost Tales-I*, 5). В редакторской заметке Кристофер Толкин говорит нам, что его отец сначала писал «Инг», но затем в каждом упоминании этого имени изменил его на Инвэ (*The Book of Lost Tales I*, 11 и см. также 143). Затем, в одной из последующих глав, мы вновь обнаруживаем Инга (чье имя иногда даётся как Ингвэ), в этот раз в нескольких заметках и набросках, относящихся к истории Эльфине, более позднего английского воплощения Эриола. Эти поздние утверждения кажутся запутанными. Эльфине – один из ингвеонов (или «ингвайвар») – то есть, он «из рода Инга», или один из потомков Инга, который в этом качестве определён человек. Но мы также обнаруживаем, что Инг описывается как «бессмертный» и «полубог» (*The Book of Lost Tales-II*, 303–316). Однако, точно так же как и «Домик Утраченной Игры», Инг добрался до кинопроб,

но был выброшен при окончательном монтаже. Как утверждает Кристофер Толкин, читатель окончательного изложения истории Эльфвине обнаружит, «возможно, не без облегчения, что Инг, Ингвэ и ингвайвар исчезли из него бесследно» (*The Book of Lost Tales-II*, 318).

Конечно, молодой Толкин мог обнаружить Инга и без чедвиковского «Происхождения». Но три фактора делают происхождение от Чедвика почти несомненным. Во-первых, – это самое основное – в толкиновских набросках Инг связывается именно с англичанами, которые определяются как «род Инга» и «сыновья Инга» (*The Book of Lost Tales-II*, 306, 309), а ведь именно Чедвик незадолго до того установил эту связь. Во-вторых, некоторые из ранних набросков об Инге очевидно основаны на истории Скильда Скевинга из «Беовульфа», и упоминание в них Инга имеет смысл, только если основываться на отождествлении Инга и Скильда, которое доказывал Чедвик [7]. Этот второй момент будет подтверждён в следующем разделе, когда мы обратимся к более позднему изложению Толкином истории о «Короле Шиве». Наконец, чедвиковское рассмотрение Инга и как смертного мужа богини Нерты, и как самостоятельной богоподобной фигуры открывает путь, который, по крайней мере, кажется, что ведет к разрешению внешних противоречий в заметках Толкина, где Инг предстает и как бессмертный человек, и при этом как прототип Инвэ, эльфийского короля, который станет повелителем ваньяр в «Сильмариллионе».

Последний тезис не следует ошибочно принимать за заявление об открытии ранних намерений Толкина относительно Инга. Такой результат возможен лишь за пределами научной реконструкции. Но я не соглашусь с предположением Кристофера Толкина, что «Происхождение» Чедвика тут вряд ли окажется полезным. «Связи между отцовскими *Ингом*, *Ингвэ* и загадочным *Ингом* (*Ингвэ*-) северной исторической легенды очевидны и, конечно же, бесспорны», – пишет он, но «было бы бессмысленно... вдаваться в маловразумительные теоретические рассуждения об английских и скандинавских источниках», и это потому, что Толкин «намеревался создать не более, чем *ассоциации* между своей мифологией и известными преданиями» (*The Book of Lost Tales-II*, 310–311). Это не вполне убедительно. Путь, проделанный любой ассоциацией, может оказаться достаточно долгим; и, конечно же, даже уточнение того, какие элементы нарождающейся толкиновской мифологии должны были ассоциироваться с теми или иными преданиями, могло бы послужить разъяснением этого. Примером могут послужить различные предания, относящиеся к «Ингвине» (*Ingwine*). И Чедвик, и Кристофер Толкин признают, что

в «Беовульфе» этот термин означает «друзья Инга» и относится к данам. Но там, где аргументы Чедвика указывают на более раннее время, когда «Ингвине» были и даны, и англ, так как и те, и другие поклонялись богу Ингу, Толкин полагает, что и это название, и бога присвоили даны, отняв их у английских и других северных племён. Далее, проделанное Чедвиком разграничение северных преданий первого и шестого веков, с соответствующим разграничением между Ингом, который вступил в брак с божеством, и Ингом, который сам является богом, несомненно предлагает точку зрения, с помощью которой мы можем надеяться увидеть смысл в данных юным Толкином трактовках Инга, с одной стороны, как человека, который стал бессмертным, а с другой – как

бессмертного эльфийского короля [8].

То, что толкиновский Инг заимствован со страниц чедвиковского «Происхождения английской нации», на первый взгляд увеличивает вероятность связи также и с генеалогией Эарендила. Но независимо от того, связана ли толкиновская история Туора и Идриль с чедвиковской идеей о том, что у Нерты был смертный супруг, сравнение единственного «сборника» северных преданий с разрозненными обращениями Толкина к Эарендилю и Ингу поучительно. Толкин как будто отделяет две истории Чедвика друг от друга: у его истории брака Туора и Идриль нет концептуальных связей с набросками об Инге – отце и короле тех северных племён, которые включали англов. По этой причине Эарендиль и Инг могут существовать в одно и то же время, что прекрасно продемонстрировано в наброске, в котором Эарендель, рождённый бессмертным, помогает Ингу приобрести бессмертие через напиток: Эарендель, как пишет Толкин, даёт Ингве «глоток *лимнэ* (достаточный, чтобы стать бессмертным)» (*The Book of Lost Tales-II*, 312). Бессмертие, разделяемое толкиновскими Эаренделем и Ингом (и, следовательно, возможно, двумя чедвиковскими версиями Инга), все же не может стать основанием для вывода об их общей нечеловеческой природе. Таким образом, «Книга Утраченных сказаний» воплощает скрытое отторжение ключевого элемента чедвиковской интерпретации северных преданий.

На основании чего юный Толкин спорил с этим аспектом чедвиковской интерпретации? Разгадка содержится в нашем предположении, что толкиновская история о родителях Эаренделя предполагалась как «история под знаком астериска», чтобы объяснить предание о браке между смертным мужем и богиней. Предположение основывается на подспудно предполагаемой Толкином идее, что более позднее предание объединило бессмертие с божественностью, и эту (неверную) идею Толкин приписывал как раз Чедвику. Толкин молчаливо упрекает Чедвика за то, что его концепция языческой космологии ограничивается богами и смертными людьми. Эльфы, как самый очевидный пример, занимают мало места в чедвиковских интерпретациях северных преданий, но размышления об эльфах могли бы прояснить Чедвику, что бессмертие не является обязательным признаком божественности. Упрёк Толкина не подрывает произведённое Чедвиком объединение англов до завоевания с северными племенами, которые поклонялись Нерте, но вбивает клин между более поздними скандинавскими и английскими преданиями об основателях королевских династий и более ранним культом Нерты, описанным Тацитом. Становится очевидно, что у Толкина не было времени на чедвиковскую идею внутреннего преобразования предания, такого, как смертный муж богини, превращающийся в самостоятельного бессмертного бога. Как мы увидим в следующем разделе, Толкин нашёл собственные способы увязать поздние предания с древним островным культом Нерты.

От Первой до Второй эпохи: король Шив

В 1920-х и 1930-х гг. Толкин развивал сначала одну, затем другую из этих двух тем северных преданий, и в этом развитии подошёл к тому, чтобы развести их во времени. В течение 1920-х гг. он довёл свои ранние сказания до формы, знакомой читателям «Сильмариллиона». К моменту написания «Квенты» 1930 г. не только Сильмарили стали средоточием завершающих актов этой драмы, но также, что крайне важно, история Берена и Лутизэн стала второй историей

о смешанном браке смертного и бессмертной (в «Книге Утраченных сказаний» оба эльфы). Эти два смешанных брака теперь понимаются как взаимодополняющие по непосредственным результатам: из-за своей любви к смертному Берену эльфийская дева Лутиэн становится смертной (*The Shaping of Middle-earth*, 138), в то время как «Туор единственным среди смертных причислен был к старшему народу и стал одним из холдоли, к коим стремился сердцем» (*The Shaping of Middle-earth*, 186). Также Толкин прямо говорит не только о том, что «Туор и Берен были единственными из смертных мужей, кто когда-либо встарь вступал в брак с эльфами», но также и «поскольку Эльвинг, дочь Диора сына Берена, впоследствии стала женой Эаренделя, сына Туора и Идрили, от них одних род смертных унаследовал эльфийскую кровь» (*The Shaping of Middle-earth*, 171–172). Эти сказания о смешанных браках не должны ошибочно приниматься за сказания об объединении двух рас; это скорее сказания об эльфах, где начинают играть главную роль два определённых смертных и (в конечном итоге) одна смешанная линия по крови. В 1930-х гг., однако, Толкин начал задумываться о продолжении смертной стороны этого рода, воплощая это в виде цикла историй о «Второй эпохе», относящихся к Нуменору, обители смертных людей Запада. Среди этих историй мы обнаруживаем ядро сказания об Инге, к этому времени развившееся в историю «короля Шива» (*King Sheave*).

Толкиновская история о «короле Шиве» (данная как в прозаической, так и в стихотворной форме) рассказывает о прибытии корабля с единственным пассажиром – спящим мальчиком со снопом злаков под головой. Обитатели этой страны принимают мальчика как своего короля, и он учит их многим умениям, в том числе сельскому хозяйству, и словесному искусству, и стихосложению, и песням. Правление короля, которого они называли «Шиф» (*Sheaf*) [сноп], было золотым веком богатых урожаев, когда «резные дома людей были полны золотом». Дети Шифа были «многочисленны и прекрасны, и они так прославились, что их избрали королями северных и западных данов, южных англов и восточного готского народа». И во время их правления «был мир на островах, и корабли плавали от земли к земле без оружия, неся сокровища и богатые товары. И человек мог уронить золотое кольцо на большой дороге, и оно оставалось там до тех пор, пока он не забирал его снова». Это были дни, когда «великая мельница Шифа по-прежнему охранялась в островном святилище севера» и «не было нужды во всех королевствах». Но в старости Шиф лёг на своё золочёное ложе и «и как будто впал в глубокий сон». Так он был уложен на корабль, «и море приняло его, и неуправляемый корабль понёс его далеко отсюда к крайнему Западу, прочь от глаз и из памяти людей» (*The Lost Road*, 94–95).

Толкиновское сказание о короле Шиве (*The Lost Road*, 94–100; см. также *Sauron Defeated*, 274–276), в сущности, является смесью различных элементов, ассоциирующихся с тем, что мы могли бы назвать преданием об Инге как культурном герое-короле (противопоставленном более раннему чедвиковскому преданию, в котором Инг – смертный, женившийся на богине Нерте). Основная часть сказания читается так, как если бы ранние заметки об Инге теперь обросли плотью и повествовали о Скильде Скевинге. Да, Скильд Скевинг, конечно, появляется в начальных строках «Беовульфа», а согласно Кристоферу Толкину, в своих лекциях

1930-х гг. Толкин уделил много времени тому, чтобы распутать различные теории по поводу этого персонажа (*The Lost Road*, 103, см. также толкиновский комментарий к «Беовульф»)). Толкин фактически не согласился с Чедвиком относительно первоначального субъекта этой истории, настаивая на том, что изначальным героем, из которого вырос миф, был скорее Скев (или «Шиф» – сноп), чем Скильд (или «Шильд» – щит). В одном отношении разница несущественна, потому что, как мы видели, Чедвик доказывал, что первоначальным элементом в истории Скильда был сноп злаков. Но на богине Гевьон женился Скильд, и таким образом, связывая эту историю с королём Шифом, а не с «королём Шильдом», Толкин вновь отделяет культурного героя и прародителя королевской династии, наделенного божественностью, от смертного супруга бессмертной девы.

В заметках к своей оксфордской лекции Толкин объясняет проводимую поэтом-автором «Беовульфа» взаимосвязь между Скильдом и Скевом языком предыстории – таинственных древних преданий: «Скильд нашего поэта (как будто) заменил Инга» (*The Lost Road*, 105). В этой замене заключается именно то, что мы обнаруживаем также в истории «короля Шива», которую Толкин, на основе своих ранних заметок об Инге, разработал только в этот период, для того, чтобы включить её в планируемую (но вновь неоконченную) историю о путешествии во времени «Утраченный путь». Эта разработка ранних представлений об Инге, возможно, весьма заметна, если сравнить ее с упоминавшимся ранее наброском, в котором Эarendель угощает Ингве глотком *лимтэ*. В продолжении первоначального наброска Ингве терпит крушение в море и в дальнейшем спасается в одиночестве на плоту. Затем Ингве становится королём англосаксов, ютов и фризов, «принявших имя ингвайвар. Он учит их волшебству и впервые пробуждает в сердцах людей желание плыть на запад». Но спустя много лет «Ингве уплывает в челноке, и более о нём ничего не слышно» (*The Book of Lost Tales-II*, 312–313). По существу, толкиновский «Король Шив» может рассматриваться как надолго отложенный пересказ легенды, изначально задуманной об Инге, прародителе англичан, который обучил своих подданных и потомков не только «многому об эльфах и богах», но также – на данном этапе – различным практическим умениям, в том числе сельскому хозяйству.

Но толкиновское разделение чедвиковского «клубка» преданий также позволило ему включить в историю «короля Шива» сказание о Фроди. Чедвик, как мы ещё напомним, рассматривал Фроди как кандидата на датскую версию Фрейра, но отвергал его на том основании, что тот явно никогда не был женат на богине, равно как не был богом сам. Однако, как только предания разделяются и Инг – супруг богини Нерты, который на самом деле становится богом, начинает отличаться от Инга – культурного героя и отца королей, открывается возможность для идентификации Фроди как еще одного короля и культурного героя в более позднем предании. Эта идентификация достигается через толкиновскую отсылку к «великой мельнице Шифа, [которая] по-прежнему охранялась в островном святилище севера». Как отмечает Кристофер Толкин (*The Lost Road*, 106–107), в «Прозаической Эдде» Снорри Стурлусона говорится, что эта мельница мира и достатка принадлежала датскому королю Фроди, при котором, как уже сообщил нам Чедвик, золотое кольцо оставалось бы нетронутым на торной дороге.

Тем не менее, проводимая Толкином ассоциация Фроди с Ингом и Скильдом Скевингом, хотя и является отступлением от Чедвика, тем не менее, возвращает нас к

сердцевине этих северных преданий, которые он исследовал. Ведь эта мельница мира и достатка, как сказано Толкином, располагалась «в островном святилище севера» и, как указывает Кристофер Толкин, это, похоже, является отсылкой к Зеландии, которая (он соглашается с Чедвиком) была тем островом, на котором, согласно Тацитусу, поклонялись богине Нерте (см. *The Lost Road*, 108). «Когда Нерта появлялась в своём святилище, наступала пора веселья и мира», – комментирует Кристофер Толкин, увязывая тем самым культ Нерты с темой мира и процветания и, следовательно, таким образом, с Фродо и его мельницей [9]. Так мы возвращаемся к Зеландии и Нерте, но теперь в компании Фродо, короля-миротворца, а не Инга, супруга богини. Толкиновский «король Шив» завершает процесс, начатый в «Книге Утраченных сказаний», в то время как чедвиковский мифологический «клубок» разделяется на два различных предания: одно – о полуэльфе Эаренделе, другое – об основателе королевских династий и северных племён, который ассоциируется с ушедшим золотым веком и известен под такими именами, как Инг, Шив и Фродо. Рассказанная Толкином история «короля Шива» добавляет к наброскам из «Книги Утраченных сказаний» связь предания о короле-основателе с островным культом Нерты, описанным Тацитом, тем самым подтверждая более общий тезис Чедвика о происхождении англичан, даже несмотря на отвержение его попыток соединить два северных предания.

Мир Фродо

Во «Властелине колец» Толкин заново объединяет два чедвиковских предания, хотя во многом по-своему. «Властелин колец» рассказывает историю об окончании Третьей Эпохи, завершающейся Войной Кольца. Окончание Третьей Эпохи – и, следовательно, начало Четвёртой Эпохи, века людей, – отмечено возвращением короля, Арагорна, его жён и детей на эльфийской деве Арвен и уходом волшебника Гэндальфа и Фродо-кольценольца на Запад. Здесь, как я предполагаю, содержалась пересмотренная или зрелая толкиновская история под знаком астериска, которая должна была объяснить все те северные предания, которые, согласно Чедвику, были значимы для происхождения английской нации. Но как мы увидим, толкиновский рассказ о конце Третьей Эпохи не только задаёт рамки для предположительного источника различных языческих преданий северных племён в более поздние века: в нем находит воплощение давний толкиновский критицизм по отношению к чедвиковской «протестантской» интерпретации этого северного язычества.

Связь заключительных событий «Властелина колец» с чедвиковским объединением северных преданий достаточно явная. Для того, чтобы рассмотреть эти события в хронологическом порядке, – то есть в том, в котором они происходят в истории Толкина – мы начнём с возвращения короля, которое символизирует коронация Арагорна. Арагорн здесь ведёт происхождение как от Эарендила, так и от Эльвинга (внучки Берена и Лутиэн). При этом он также является наследником Элендила, спасшегося из Нуменора и вернувшегося в Средиземье с Запада; действительно, корона Гондора, которую поднёс Арагорну Фродо и которую возложил ему на чело Гэндальф, украшена крыльями чайки, «ибо это был символ королей, пришедших из-за Моря» (*The Return of the King*, VI, v, 245). И в дни правления Арагорна столица Гондора была «полна деревьев и фонтанов... и ее улицы были выложены

белым мрамором», и об этих днях «говорится во множестве песен» (*The Return of the King*, VI, v, 246). В качестве возвратившегося короля Гондора Арагорн предстаёт изначальным культурным героем и моделью для более поздних северных королей. Точно так же, как и северные королевские дома более поздней эпохи, король Гондора возводит свою родословную к бессмертному. Подобно Ингу и Скильду Скевингу после него, он ассоциируется с теми, кто пришёл из-за моря и теми, кто научил свой народ древним знаниям. И как у короля-миротворца Фродо, правление его прославляется как золотой век.

За коронацией Арагорна следует его женитьба на Арвен. В первую очередь, история этого брака предоставляет новый гипотетический источник для тех поздних преданий и сказок, в которых говорится о браке смертного мужа на богине или королеве фэери. Действительно, в отличие от более ранних историй о двух смертных мужах, которые женились на девах-эльфах и таким образом вошли в предания Первой Эпохи, эта история об эльфийской деве, выходящей замуж за смертного, становится одним из преданий о смертных людях, рассказываемых смертными. Тем не менее, этой свадьбой Толкин делает отсылку и к будущему, и к прошлому. Ранее я высказывал предположение, что концепция союза родителей Эаренделя была первым опытом Толкина в выстраивании истории под знаком астериска. Можно было бы сказать, что брак Арагорна и Арвен заменяет брак родителей Эаренделя (а, следовательно, брак Берена и Лутигэн) в качестве предполагаемого источника более поздних преданий; но кроме того, этот последний союз копирует исходный сюжет, поскольку и Арвен, и Арагорн являются потомками Эаренделя [10]. Поэтому история Эаренделя «вечерней звезды» находит отклик в браке Арагорна и Арвен – и действительно, на это указывает описание Арвен, едущей на свою свадьбу, как «Вечерней звезды своего народа» (*The Return of the King*, VI, v, 251).

Затем, в образе Арагорна слилось большинство северных преданий, зафиксированных Чедвиком. Конечно, толкиновская история под знаком астериска не является зеркальным отражением этих преданий. Можно, например, возразить, что Арвен не только не богиня, но и, хотя родилась эльфом, уходит из жизни как смертная. Но суть истории под астериском заключается в том, что она представляет собой *источник* для более поздних историй, и совершенный Арвен выбор смертного удела ни в коем случае не обесценивает идею, что в более поздних преданиях она превратилась сначала в богиню земли, а затем в королеву фэери. Нечто похожее применимо к судьбе Гэндальфа и Фродо в поздних мифах и легендах. Вспомните, как Инг и Скильд Скевинг прибывают из некоего таинственного места за морем и за море же потом вновь удаляются. В этом они отличаются от Арагорна, который, самое большее, может заявить, что из-за моря прибыл его предшественник Элендиль. Но Гэндальф и пришел из-за моря, и туда же ушел, и во время своего пребывания в Средиземье он научил людей многому об эльфах, а также древним знаниям. А Фродо, Кольценовец, отправляется на корабле на Запад. Конечно же, не является случайным совпадением то, что Гэндальф и Фродо задействованы в церемонии коронации Арагорна, ведь их участие в увенчании короля короной задаёт условия для последующего смешения в историях более поздних эпох, в которых характеристики сотоварищей Арагорна прилагаются уже к самому Арагорну. Так северные предания рассказывают о короле, который прибыл из-за моря и за море же удалился, в то время как сам Гэндальф оказывается совершенно забыт (за исключением создающего путаницу

упоминания в «Прорицании вельвы»), а Фродо запоминается только в образе Фроды, который ассоциируется с теми днями мира и достатка, которые последовали за возвращением короля [11].

Брак Арагорна и Арвен подтверждает гипотезу, что вдохновением для ранней генеалогии Эаренделя послужила недавняя работа Толкина с «Происхождением английской нации» Чедвика. Это предположение было поддержано демонстрацией того, что ранние наброски об Инге выросли из чедвиковской ассоциации Инга с ранними англами. Далее мы увидели, как в межвоенные годы Толкин отделил тему смешанного брака смертного с бессмертной от идеи короля, прибывшего с Запада, также ассоциируемой с Ингом. Первая тема стала объединяющим элементом в историях об эльдар Первой Эпохи, в то время как вторая оказалась связана с падением Нуменора и окончанием Второй Эпохи. Такое разграничение во времени несомненно отражает убежденность Чедвика в том, что предания о браке смертного и богини гораздо более древние, чем те, которые имеют отношение к основателям северных королевских домов. Тем не менее, до того, как мы сделали обзор завершающих глав «Властелина колец», нельзя было утверждать, что наша гипотеза (о том, что толкиновская идея брака эльфа со смертной происходит от Чедвика) не просто правдоподобна, но обоснована как нечто большее. Сведение двух наших тем воедино в фигуре Арагорна, однако, делает такое происхождение вероятным. В самом деле, «Властелин колец» может рассматриваться как история под знаком астериска, задуманная для того чтобы конкретно разъяснить сведение разделённых тем вместе в тот самый «клубок» преданий, который Чедвик когда-то, в 1907 году, связывал с происхождением английской нации.

Но если «Властелин колец» предлагал новое объяснение преданий, которые Чедвик связывал с происхождением англичан, он также ставил под вопрос чедвиковскую суровую простоту и экономию средств в мифологии. Как мы видели, для Чедвика фигура из предания – это либо божество, либо человек. Если поздние предания предполагают, что Инг – не человек, тогда – заключает Чедвик – Инг должен быть богом. Населяя Средиземье троллями, орками, эльфами и так далее, Толкин показывает нам, сколько существует других возможностей. Но «Властелин колец» доказывает это самым жёстким образом, при помощи нескольких персонажей, кажущихся людьми. Например, Гэндальф – это волшебник, который, являясь ангелоподобным, обитает в течение долгого времени среди смертных, но, когда его работа выполнена, возвращается в бессмертное царство, откуда он прибыл. Фродо – это хоббит с душой смертного, который, подобно святому, возносится в то же самое бессмертное царство. А Арагорн – смертный король, в чьих жилах течёт кровь бессмертных. Что обнажает новая толкиновская история под знаком астериска, если ее читать во взаимосвязи с чедвиковским взглядом на протоанглийскую мифологию в «Происхождении английской нации» – это глубоко протестантские теологические и онтологические исходные предпосылки, на которых базируется чедвиковское исследование северного язычества. За Чедвика можно заступиться, что он при анализе предания с научной точки зрения применяет бритву Оккама, так как в соответствии с этим методологическим принципом должно всегда предпочитаться простейшее прочтение.

Толкин, однако, с самого начала будит нас от такой методологической спячки,

напоминая, что языческие истории, что рассказывались на древнем Севере, скорее всего, были какими угодно, но не простыми.

Дополнение

Это эссе было составлено (и принято к изданию) до публикации книги «Беовульф: перевод и комментарий» в мае 2014 года. Новый комментарий к «Беовульфу» основан на оксфордских лекциях Толкина 1930-х гг., некоторые небольшие отрывки из которых уже появлялись в печати (и цитата из которых присутствует в настоящем эссе). Кое-что из вновь опубликованного комментария (наиболее заметное – но ни в коем случае не единственное – рассуждения об истории Фреавару и Ингельда) имеет существенное значение для аргументации в настоящем эссе. Я бы хотел поблагодарить издателей *Tolkien Studies* за то, что они позволили мне кратко сообщить о том, что во вновь опубликованном материале мне показалось (при первом прочтении) самым важным.

Во-первых (и прежде всего), теперь не может возникать вопросов о том, идентифицировал ли Толкин Зеландию как упоминаемый у Тацита остров культа Нерты. Действительно, становится очевидным, что он считал, что и остров, и культ занимали центральное место в утраченной истории англо-фризского мира до завоевания. Но более ясным становится и его расхождение с Чедвиком. Вместо того, чтобы делать упор на единую культуру данов и англо-фризов, как это делал Чедвик, Толкин рассматривал датское завоевание Зеландии, бывшей до того времени «центром англо-фризского мира» и последующую «данификацию» изначального культа (например, датский король Фроди у Снорри Стурлусона, как сказано Толкином, первоначально должен был быть персонажем культа предков у северного племени хеадобардов, частично ассоциируемого с древним культом Севера). Героическая эпоха, которая начинается в Скандинавии несколько столетий спустя, лишь усиливает искажение и запутывание первоначального предания, выводя на первый план Одина и прославление кровопролития, дополняя этим изначальных богов зерновых и плодородия и предание о *Froðifriðr* [Мире Фроди], Великом Мире. Утраченная английская мифология – нечто весьма отличающееся от мифологии, ассоциируемой с эпохой викингов.

Взятый в целом, комментарий Толкина выявляет неожиданную связь между его изучением «Беовульфа» и его сотворением английской мифологии. Выстроенный для того, чтобы отпраздновать победу данов, Хеорот, как говорит Толкин, возведён на месте древнего культа (и следовательно, возможно, придаёт новый смысл настойчивому появлению чудовища Гренделя в этом медовом чертоге). Сюжет «Беовульфа» тем самым становится постскриптумом к рассказу об англах до завоевания: история, в центре которой находится Зеландия, с преданиями об её культах, сохранившими память о тех очень древних историях, которые мы сегодня можем прочесть в «Сильмариллионе» и «Властелине колец».

Примечания

1. См., например, Green (39–41) и Stubbs (2, 94). Полезный обзор научного консенсуса в тот период см. в Cunningham (41–42).

2. Например, первый вопрос в экзаменационной работе по «Исторической грамматике английского языка» задавался по поводу континентального происхождения германских племён, переселившихся в Англию, в то время как первый вопрос по «Беовульфу» был о значении слова *Scefing* и членах датской королевской семьи, упоминаемых в «Беовульфе», см. Ryan (18–19).

3. Аргументируя в своих лекциях идентичность Хенгеста из этих текстов и легендарного основателя королевства Кент, Толкин прямо следует за Чедвиком (52–53).

4. Вода и плодородие в норвежских преданиях, на самом деле, как правило, связаны (Tolley 27). Нерта, например, появляется из озера и затем в него возвращается.

5. *The Spectator*, 26 апреля 1890, стр. 19. О дю Шайю см. Wawn (329–331). Глин Дэниэл говорит, что случайное знакомство с «Веком викингов» дю Шайю вдохновило Чедвика на переключение с классической филологии на то, что он стал называть «классикой Севера» (Daniel 82). Для дальнейшего материала по изучению древнескандинавской литературы в тот период см. обсуждение Wawn'ом «невидимого колледжа» (гл. 12). Более общий обзор судеб сравнительной филологии и связанных с ней дисциплин в последние десятилетия XIX века – см. моё эссе «Создание английского».

6. Более тщательное исследование выяснило бы также связь между Ульмо, среди валар наиболее благосклонного к эльфам (например, он отправил Туора в Гондолин, чтобы тот выполнил своё предназначение), и ранними преданиями о Нерте. Под именами «Ньёрд» или «Неорт» Нерта появляется в «Книге Утраченных сказаний»: в одном месте Эльфвине обнаруживает «Неорта Владыку Вод» на острове (Зеландии?), у которого он потерпел кораблекрушение (*The Book of Lost Tales-II*, 337, 338). В другом месте Кристофер Толкин комментирует: «в очень ранних записях моего отца имя Неорт ненадолго появляется для обозначения Ульмо» (*The Lost Road*, 108).

7. Фактически Чедвик здесь (как он это разъясняет) следует аргументам, незадолго до того выдвинутым датским учёным Акселем Олриком. Но так как Олрик писал на датском, а его работы были известны в Англии в первую очередь благодаря Чедвику, я полагаю, что можно, не опасаясь, утверждать, что Чедвик был для раннего Толкина изначальным источником отождествления Инга с Скильдом Скевингом.

8. Дополнительным обстоятельством, придающим значимость толкиновским концепциям Инга, является факт, что то же самое первоначальное написание «Инг» и последующее исправление на «Инве», встречающееся в «Книге Утраченных сказаний», встречается также в материале, несомненно относящемся к 1926 г. (см. «Самый ранний “Сильмариллион”», *The Shaping of Middle-earth*, 13, 113, 117).

9. Чедвик отвергает Фроди как датскую версию Фрейра в пользу Гевьон. Но фактически эта идентификация Гевьон позволяет Чедвику опознать остров с культом Нерты как Зеландию. Как же тогда Толкины (отец и сын) устанавливают связь с Фроди, а не Гевьон, несмотря на то, что определяют Зеландию как остров культа Нерты, я не знаю.

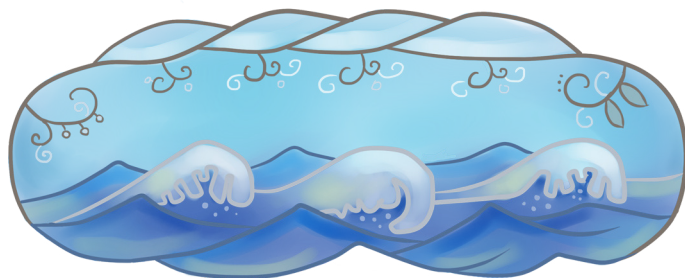
10. В качестве разъяснения: у Эаренделя и его невесты Эльвинг родились два сына, Эльрос и Эльронд; первый избрал удел смертных, и от него произошли короли Нуменора и Гондора, в то время как второй избрал бессмертие и стал отцом Арвен. О происхождении Эльроса как смертного брата Эльронда см. (*The Lost Road*, 38, 372).

11. Связь между Фродо и датским королём-миротворцем Фроди фактически была проведена ранее Томом Шиппи (*The Road to Middle-earth*, 154–158; *Tolkien: Author of the Century*, 182–187). Доказательство Шиппи основывается на филологии и сравнении обоих как языческих персонажей, похожих на Христа. Связь Фродо с преданиями об Инге и Скильде Скевинге, в том виде, в которых они

представлены Чедвиком, делает эту взаимосвязь ещё сильнее. Несомненно, имеет значение, что «золотое кольцо», остающееся нетронутым на большой дороге, выступает в такой важной роли в истории о Фродо. Полезно попутно сравнить два описания «золотого века» в дни короля, представленных на последних страницах «Властелина колец». В Гондоре этот золотой век ассоциируется с восстановлением Города во всей его славе и величии (см. цитату в основном тексте). По контрасту с этим, в Шире, как нам сообщается, все дети, рождённые или зачатые, стали светловолосыми и сильными, в то время как «урожай был такой обильный, что юные хоббиты чуть ли не купались в клубнике со сливками» и «никто не болел, и все были довольны, кроме тех, кому пришлось косить траву» (*The Return of the King*, VI, ix, 303). Это хоббитская версия мира Фродо.

Список использованной литературы

- Carpenter, Humphrey. *J.R.R. Tolkien: A Biography*. 1977. Boston: Houghton, 2000.
- Chadwick, Hector Munro. *The Origin of the English Nation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1907
- Cook, S. J. “The Making of the English: English History, British Identity, Aryan Villages 1870–1914.” *Journal of the History of Ideas* 75.4 (2014): 629–49. <http://dx.doi.org/10.1353/jhi.2014.0030>.
- Cunningham, William. *The Growth of English Industry and Commerce*. 1882. Cambridge: Cambridge University Press, 1890.
- Daniel, Glyn. *Some Small Harvest*. London: Thames, 1986.
- Dickins, Bruce. *Runic and Heroic Poems of the Old Teutonic Peoples*. Cambridge: University Press, 1915.
- Du Chaillu, Paul B. *The Viking Age: The Early History, Manners, and Customs of the Ancestors of the English-speaking Nations*. 2 vols. New York: Charles Scribner’s Sons, 1889.
- Garth, John. *Tolkien and the Great War: The Threshold of Middle-earth*. London: Harper, 2003.
- Green, John Richard. *A Short History of the English People*. London: Macmillan, 1874.
- Ryan, J. S. *Tolkien’s View: Windows into His World*. Zurich: Walking Tree, 2009.
- Shippey, Tom. *The Road to Middle-earth*. London: Allen, 1982.
- . *Tolkien: Author of the Century*. London: Harper, 2000.
- Stubbs, William. *The Constitutional History of England in Its Origin and Development*. Vol. 1. 1874. Oxford: Clarendon, 1880.
- Tolkien, J.R.R. *The Book of Lost Tales, Part One*. Ed. Christopher Tolkien. London: Allen & Unwin, 1983; Boston: Houghton Mifflin, 1984.
- . *The Book of Lost Tales, Part Two*. Ed. Christopher Tolkien. London: Allen & Unwin; Boston: Houghton Mifflin, 1984.
- . *Finn and Hengest: The Fragment and the Episode*. 1983. Ed. Alan Bliss. London: HarperCollins, 1998.
- . *The Lost Road and Other Writings*. Ed. Christopher Tolkien. London: Unwin Hyman; Boston: Houghton Mifflin, 1987.
- . *The Shaping of Middle-earth*. Ed. Christopher Tolkien. London: Allen & Unwin; Boston: Houghton Mifflin, 1986.
- Tolley, Clive, ed. *Grottasongr: The Song of Grotti*. London: Viking Society, 2008.
- Wawn, Andrew. *The Vikings and the Victorians: Inventing the Old North in Nineteenth-century Britain*. Cambridge: D. S. Brewer, 2000.

Екатерина Могилевцева (Tirendyl)

О СУДЬБЕ МАГЛОРА ВО ВТОРУЮ ЭПОХУ

Последнее, что сказано в «Сильмариллионе» о судьбе сыновей Феанора – утрата ими права на сильмариллы и самих Камней, которые нашли своё пристанище в небесах, в огне и в воде (1). Но если Маэдрос бросился вместе с сильмариллом в огненную пропасть (1), Маглор не искал смерти, а продолжал жизнь в Средиземье Второй Эпохи. На первый взгляд кажется, что о ней почти нечего сказать, кроме написанного там же «Он всегда скитался вдоль берегов и пел песни близ волн в горе и раскаянии» (1), да ещё упоминания последней песни Маглора, что стала известна другим, «Нолдоланте» («Падение нолдор»), в которой много сказано о Братоубийстве в Альквалонде (2). Вскоре после этого Маглор погиб или пропал. «Was lost» (2) допускает оба варианта перевода – как гибель, так и исчезновение.

Согласно «Возобновлённой Лэ о Лэйтиан», Маглор бросается в море после «нескончаемого плача» (*endless lamentation*) (3), т.е., горестных песен – ведь «Нолдоланте» также называют Плачем, *lament* (2). В таком случае оба старших сына Феанора, подобно ему самому, не имеют ни могилы, ни надгробия.

Но представляется более вероятным, что в версии «Сильмариллиона» речь идёт не о смерти Маглора, а о его безвестном исчезновении. В заключительной части неопубликованной «Квенты Сильмариллион», на которой в значительной мере и основан опубликованный текст, также ничего не говорится о гибели Маглора, но только о его скитаниях у Моря (4). Между тем обстоятельства гибели эльфов – персонажей «Сильмариллиона» всегда описываются. Полагаю, они и не могут быть совершенно неизвестны. Если о судьбе смертного ничего не известно – спустя годы можно заключить, что он умер, не зная, когда и как. Но достоверно узнать о смерти эльфа можно лишь через очевидца этой гибели – несомненно, знающего и её обстоятельства. Таким образом, можно сделать вывод, что по версии «Квенты Сильмариллион» очевидцев гибели Маглора не было, и его конечная судьба остаётся неизвестной. Безвестно пропасть он мог, например, если однажды решил оставить побережье, уйдя в места, где его могли и не узнать, и где, с другой стороны, подстерегали опасности.

О времени исчезновения или гибели Маглора известно больше. Согласно той же неопубликованной «Квенте Сильмариллион» из пятого тома «Истории Средиземья», Маглор – из тех, кто на многие века задержался на западе и севере Внешних земель (4). Кажется очевидным, что два-три столетия ещё нельзя назвать многими веками; скорее всего, он остаётся на берегах Средиземья не менее пятисот лет.

С другой стороны, как известно из «Шибболета Феанора», предания «Квенты Сильмариллион» собраны вместе в Нуменоре (5). Так как в этих преданиях говорится об исчезновении или гибели Маглора, это происходит ранее 3319 г. В.Э. – времени падения Нуменора (6). Более того, эти предания не могли быть составлены и во время правления Ар-Фаразона.

Итак, во Вторую Эпоху Маглор в течение столетий живёт у берега Моря, в волнах которого скрылся не только сильмарилл, но и почти весь Белерианд. Край, где нолдор, в том числе и Маглор, жили и сражались всю Первую Эпоху, край, который они называли прекрасным и полным скорбей (7). От него остаётся лишь Линдон, часть Оссирианда (8), где Маглор и жил в последние века – от поражения в Нирнаэт Арноэдиад (9) до того, как вместе с Маэдром бежал на Балар (10). Ему хорошо знакомы эти места – правда, часть бывшего оссириандского леса стала берегом, и Линдон теперь разделён разломом, где возник Синий Залив. Вероятней всего, Маглор доходит и до Митлонда, Серой Гавани, основанной ещё в первом веке В.Э. (6) на берегу Синего Залива, и видит вновь и вновь уходящие на Запад корабли. К жизни среди эльфов Маглор уже не возвращается (1), то есть не поселяется вместе с ними. Но это не значит, что он не видит других нолдор, которые также живут в Линдоне, не желая покидать остатки Белерианда.

Хотя братья, разделив Камни, разошлись в разные стороны (1), Маглор должен был узнать о гибели Маэдрота и о том, что из сыновей Феанора в живых остался лишь он.

С другой стороны, когда эльфы Белерианда возвращаются на Тол-Эрессеа, телери прощают своё горе (Братоубийство в Альквалонде) (1). Так теряет силу Проклятье Мандоса: более нет угрозы, что добрые дела нолдор позже обернутся злом от предательства или страха предательства, нет запрета вернуться в Аман для живых и долгого ожидания в Мандосе для погибших Изгнанников. Для Маглора освобождение от Проклятья может означать на возвращение к жизни его погибших родичей и друзей. Сам же он вернуться на Запад не может.

Из черновиков письма Толкина к «мистеру Рангу» известно, что нескольким главным участникам мятежа валар не позволили вернуться на Запад. Ко времени событий «Властелина Колец» в живых из них останется лишь Галадриэль (11); но после завершения Войны Гнева в числе вождей Исхода нолдор также оставался Маглор. В своё время Эонве призывал его, как и других, вернуться в Бессмертные Земли (1). Но, отвергнув его призыв и силой забрав сильмариллы (1), сыновья Феанора не могли лишиться этого права. Маэдрот перед смертью едва ли успел узнать о новом запрете, а если и успел – вряд ли он что-либо менял для Маэдрота в то время, как Клятва утратила силу, а сильмарилл сжигал его руку невыносимой болью. Для Маглора же запрет вернуться мог оказаться значимым. Ведь он был готов подчиниться призыву Эонве явиться на суд (1) – то есть сам отнюдь не отвергал возвращение на Запад

по слову валар. Правда, в то время он мог надеяться на прощение и обретение сильмариллов миром, сейчас же всё изменилось.

Впрочем, надежда на то, что хотя бы спустя века и его вина будет прощена, и он сможет вернуться, могла стать одной из причин, которые удерживали Маглора вблизи Моря.

По неопубликованной «Квенте Сильмариллион», вместе с Маглором некоторое время живёт Эльронд Полуэльф (4), также оставшийся в Линдоне (8). Это представляется лучшим опровержением часто встречающейся в фанфиках идеи о безумии второго сына Феанора после того, как он выбросил сильмарилл в Море. Отсюда также видно, что слова о том, что Маглор не вернулся больше к своему народу, следует понимать именно как нежелание поселиться вместе с другими нолдор, а не как избегание всякого общения с ними.

Сказано, что Эльронд живёт вместе с Маглором «некоторое время» («for a while» (4)); возможно, это означает, что они расстанутся ещё до того, как Маглор пропал. Всё же у Эльронда – своя жизнь и свои стремления. В таком случае после расставания Маглор может временами встречаться со своим воспитанником, но в основном Эльронд находится при короле Гиль-Галаде (8). В 1695 г. В.Э., когда Гиль-Галад пошлёт Эльронда на помощь Эрегиону (6), он, несомненно, живёт вместе с ним, а не с Маглором.

Эльрос же покинул Средиземье ещё в 590 г. П.Э. – в этом году за Море ушли Отцы Людей (12). Лишь в 32 г. В.Э. Эльрос становится первым королём Нуменора (13). Но переселение эдайн в Нуменор на малых судах эльфийского типа было очень долгим, а Эльрос возглавлял первую экспедицию (14). Так, с самого начала Эпохи Маглор уже не может встретиться со своим вторым воспитанником.

Зато, возможно, Келебримбор – рядом с Маглором или хотя бы встречается с ним. Ведь Эрегион будет основан лишь в 700 (15) или 750 (6) г. В.Э. Таким образом, Келебримбор уходит на восток лишь незадолго до этого, а первые столетия живёт в Линдоне.

В целом жизнь Маглора во Вторую Эпоху, похоже, не так уж меняется по сравнению с концом Первой. Как он бродил по лесам Оссирианда после поражения в Нирнаэт Арноэдиад, так и теперь бродит в тех же краях (9), правда, не удаляясь от подступившего Моря. Вообще скитальческая, бездомная жизнь не является для эльдар чем-то необычайным: достаточно вспомнить синдар, многие из которых свободно бродили по лесам, нигде подолгу не останавливаясь (16). Для Маглора она привычна ещё с юности, когда он странствовал по Валинору с отцом и братьями, и эти странствия могли быть долгими – Феанор с сыновьями доходил в них до холодных берегов Внешнего Моря (17). Рядом с Маглором больше нет Маэдроза, но есть Эльронд, возможно, и Келебримбор или ещё кто-то из близких. Мы знаем, что у Маглора была жена (происхождение и судьба которой неизвестны) (18); о его друзьях, не принадлежащих к роду Финве, ничего не говорится, однако, скажем, о друзьях Феанора мы узнаём лишь из того, что в последнем бою он был окружён с немногими друзьями (16).

Правда, прежде странствия Маглора имели цель. В странствиях по Валинору – поиски непознанного (17), а после поражения в Нирнаэт Арноэдиад – возможно, маскировка, прикрытие продолжающейся борьбы с Морготом. По «ЛЭ о Детях Хурина», сыновья Феанора после поражения жили скрытно, в тайном союзе друг с другом, оставаясь яростными и непоколебимыми врагами Моргота (19). То, что братья стали одинокими охотниками среди Зелёных Эльфов,

скитаясь, как листья, гонимые ветром (9), и могло обеспечить эту тайну и скрытность, создав впечатление, что сыновья Феанора совершенно отказались от борьбы и не стоят внимания Моргота. Ныне Враг побеждён, и таится Маглору незачем; не стремится он и исследовать новые земли за Синими Горами, бродя лишь по знакомым местам вдоль берега Моря. Кажется, никакие внешние обстоятельства не мешали бы ему обрести новый дом в том же Митлонде, рядом с Морем.

Однако такой выбор сделал бы жизнь Песнопевца много тяжелее. После гибели Маэдроса он является главой Старшего Дома нолдор, и именно вокруг него объединились бы уцелевшие сторонники Дома Феанора. Это означает, что жизнь Маглора была бы не свободна, но подчинена долгу, как и века до того. А также и то, что в глазах других нолдор он отныне представлял Дом Феанора и отвечал не только за собственные поступки, но и за деяния всего Дома, который всегда воспринимался как единое целое. Из-за этого, например, Ородрет в своё время отказал в помощи Маэдросу, вовсе не виновному в совершённом Келегормом и Куруфином. Маглору, и так страдавшему от вины, пришлось бы вытерпеть многие обвинения и упрёки.

Более того: не исключено, что само существование в Линдоне сплочённой группы сторонников Дома Феанора – без главы, видимо, живших разрозненно и подчинявшихся, как и все, Гиль-Галаду – могло побудить в противовес им сплотиться между собой всех, кто не мог простить Дому Феанора разорения Дориата и Гаваней Сириона, а лично Маглору – нападения на лагерь Эонве. Вероятность такого развития событий увеличивает то, что Маглор во Вторую Эпоху – не только старший в своём Доме, но и единственный мужчина из поколения внуков Финве, живущий в Средиземье. Передача Верховной власти от Фингона к Тургону, а не сразу к Гиль-Галаду, сыну Фингона, показывает, что наследование у нолдор происходит «по лестнице», а не от отца к сыну. Начало этому положил Маэдрос, сказав, что правление по праву принадлежит Финголфину как старшему в роду Финве (16). После гибели Финголфина старшим в роду стал бы сам Маэдрос, если бы он не отрёкся от первенства своей ветви. Но после смерти Тургона сыновья Феанора – последние из своего поколения; можно отметить, что именно после падения Гондолина, согласно «Квенте нолдоринва», Маэдрос заявил своё право на Верховное владычество над всеми эльфами Внешних земель (20), в том числе нолдор. Теперь же старший в роду – Маглор, и сторонники могли противопоставлять его Гиль-Галаду, считая законным наследником старшего брата, – что неизбежно вызвало бы возмущение других нолдор. Пусть не новая рознь, но споры, конфликты и недоразумения были бы почти неизбежны, и именно Маглору пришлось бы их разрешать. А Маглор всё же не обладает таким авторитетом и исключительным умением объединять других, какими обладал Маэдрос, и общая борьба с Врагом, требующая единения, осталась позади.

Если Маглор предвидел нечто подобное или опасался этого, его нежелание вернуться к своему народу отнюдь не бессмысленно. В данной ситуации оно оказывается и отказом от власти: главенства над Домом Феанора и положения старшего в роду Финве. Только так он мог сохранить свободу и избежать многих тягот, грозивших как ему, так и другим. Он уходит из истории, но продолжает жизнь.

Как ещё в Амани голос Маглора разносился далеко над морем (17), так остаётся и во Вторую Эпоху. Маглор слагает так много горестных песен, что они кажутся нескончаемыми (3). В этом можно видеть свидетельство силы его характера. Если бы Маглор после утраты сильмарилла, гибели брата и затопления Белерианда навек замолчал и перестал сочинять песни – это могло бы говорить о том, что боль и вина сломили его. Но нет, он остаётся верным себе.

В «Лэ о Лэйтиан» говорится, что Маглор играл на арфе над дальними забытыми берегами и тёмными побережьями, где на западе всегда режут пенные волны (21). Речь здесь идёт именно о том времени, когда Маглор скитается вдоль берега: ранее в Белерианде он не жил вблизи Моря, а берега Аманы описывались бы иначе. Таким образом, у Маглора в это время остаётся арфа – возможно, он брал её с собой и к лагерю Эонве (тут можно вспомнить Фингона, который с арфой шёл в Ангбанд спасать Маэдраса), возможно, отдал перед этим кому-то, кто позже вернул её Песнопевцу. Из того, что Маглор по-прежнему мог играть на арфе, видно, что, хотя сильмарилл так сильно жёг его руки, что Камень пришлось бросить в Море, но тяжёлых ожогов он не оставил. Видимо, так сильмарилл действует лишь на силы зла.

Наиболее вероятным представляется, что «Нолдоланте» услышал и запомнил Эльронд. После этого песен Маглора более никто не слышал...

Но что могло заставить Песнопевца покончить с собой или же исчезнуть для всех, пережив жизнь, уже ставшую привычной? Он страдал от совершённого и пережитого во время Исхода и в Первую Эпоху, но если бы эти страдания были для него нестерпимы, он и не мог бы выдержать их столь долго – в продолжение нескольких столетий. Во Вторую же Эпоху ни в каких важных событиях он не участвует. Но это не значит, что спустя века в его жизни ничего не меняется.

Во-первых, около 500 г. В.Э. в Средиземье вновь появляется Саурон (6). Не позднее девятого века Гиль-Галад понимает, что надвигается новая тень и эльдар угрожает новая война (22). Тогда нолдор Линдона узнают, что победа над злом в Войне Гнева не была окончательной. Для Маглора, сражавшегося против Моргота всю Первую Эпоху, это могло стать тяжёлым ударом. Могло произойти и иное. Ранее, чем злые дела бывшего Наместника Ангбанда стали очевидны, ещё неясные вести о новом зле могли побудить Маглора вспомнить, что он был воином и полководцем, оставить свои горестные песни у моря, чтобы разведать, что затевается на востоке. И уже не вернуться назад.

Во-вторых, начиная примерно с 600 г. В.Э. в Средиземье начинают приходить корабли нуменорцев (6). Король Гиль-Галад приветствует их, положив начало дружбе нуменорцев с эльдар Линдона. Тогда или позже, от самих нуменорцев или от беседовавших с ними эльдар – Маглор не мог не узнать, что первый король Нуменора, Эльрос, умер. И не просто умер, как до того многие родичи и друзья Маглора, но ушёл Путём Людей за Круги Мира: Маглору не суждено увидеть его ни в Чертогах Мандоса, ни возрождённым к жизни. А ведь Маглор любил сыновей Эарендила, и, как известно из «Поздних Анналов Белерианда», воспитал их (10). Песнопевец должен был предвидеть это горе ещё в то время, когда Эльрос сделал свой выбор и ушёл в Нуменор как человек, но оно было бы тяжким для любого эльда, и не испытавшего всего, что прежде выпало на долю Маглора. Быть может, его можно сравнить с горем Мелиан, увидевшей, что её дочь стала смертной – ведь родных сыновей у Маглора нет. Оно могло превысить меру

его терпения – либо привести к решению уйти с берега Моря, куда вновь и вновь приходят нуменорские корабли, как Даэрон оставил Дориат, где всё могло напоминать ему о Люттиэн.

Если же Песнопевец находит в себе силы и далее жить на побережье, вскоре ему предстоит ещё и разлука: в седьмом-начале восьмого века В.Э. на восток уходит Келебримбор, единственный, кто продолжает род Феанора, и вместе с ним ещё многие нолдор. Это нельзя назвать горем, особенно если Маглор лишь изредка видел племянника. И всё же уход из Линдона родичей и сторонников, невозможность увидеться с ними, должны были сделать Маглора ещё более одиноким, особенно если и Эльронд к этому времени с ним расстался.

Впрочем, представляется более вероятным, что Келебримбор оставляет Линдон уже после исчезновения Маглора, и тогда же Эльронд Полуэльф переселяется ближе к Гиль-Галаду.

Таким образом, скорее всего, скитания Маглора продолжаются примерно до шестого – девятого веков В.Э. Именно в то время происходят события, которые могли стать причиной его самоубийства или ухода.

ССЫЛКИ

- (1) «Сильмариллион: О путешествии Эарендила и Войне Гнева».
- (2) «Сильмариллион: Об Исходе нолдор».
- (3) «Лэ о Лэйтиан Возобновлённая: Песнь III продолжается».
- (4) «Квента Сильмариллион: Заключительная часть «Квенты Сильмариллион» (т. V «Истории Средиземья»)».
- (5) «Шибболет Феанора: Примечания»
- (6) «Властелин Колец: Приложение Б. Сказания временных лет: Вторая Эпоха».
- (7) «Квента Нолдоринва: 9: Примечания».
- (8) «Сильмариллион: О Кольцах Власти и о Третьей Эпохе».
- (9) «Сильмариллион: О Пятой Битве: Нирнаэт Арноэдиад».
- (10) «Поздние Анналы Белерианда».
- (11) «Письма: № 297. Черновики письма к «мистеру Рангу»».
- (12) «Повесть Лет».
- (13) «Неоконченные сказания: Род Эльроса: Короли Нуменора».
- (14) «Пролог и Приложения к «Властелину Колец»: V. История Акаллабет».
- (15) «Неоконченные сказания: История Галадриэли и Келеборна, а также Амрота, короля Лориэна: О Галадриэли и Келеборне».
- (16) «Сильмариллион: О возвращении нолдор».
- (17) «Сильмариллион: Эльдамар и принцы эльдалиэ».
- (18) «О Гномах и Людях: Примечания».
- (19) «Лэ о детях Хурина: III: Файливрин».
- (20) «Квента Нолдоринва: §17 в варианте QII».
- (21) «Лэ о Лэйтиан: III (Встреча Берена и Люттиэн)».
- (22) «Неоконченные сказания: Алдарион и Эрендис».

Артем Крюков

«Как бранный сторож Ветилуя стоит на камени своем...»

– *Contrariwise, – continued Tweedledee, – if it was so, it might be; and if it were so, it would be; but as it isn't, it ain't. That's logic* (1).

Как известно, итогом столкновений на Амон Хен стало бесповоротное распадение целостности Содружества Кольца; из-за этого до сих пор более или менее единое разворачивание полотна повествования распускается на *entrelacement* (*непеплетение*) историй героев – они «без конца встречаются, расстаются и встречаются снова» (2). И основной задачей данного исследования будет извлечение из созданного полотна *þættir* (*непеплетения нитей*) одной *þáttir* (*нити*) – рассказывающей историю Эовюн. То есть, с одной стороны – мы будем надзирать за процессом скручивания нити (текстологическая история); а с другой – приглядимся и к материалу (источникам вдохновения).

И начнем мы, разумеется, с чачесей, то есть отходов после чесания кудели, из которой будут спрядены интересующие нас нити.

Имя *Эовюн* рождается среди пометок Толкина к *схеме* второй части главы XXIII (3) – “Eowyn Elfsheen daughter of Eomund?” Но прежде чем подступить к закономерному вопросу о стратегиях имянаречения героев, применяемых Толкином, мы, пожалуй, сразу должны сделать шаг в сторону и, хотя бы кратко, пояснить, как в затрагиваемый нами период (декабрь 1941 – вторая половина 1946 гг.) Дж.Р. трудился над текстом будущего *LotR*.

В начале работы над очередной главой Дж.Р. набрасывал карандашом ее *эскиз* (*sketch*) или *схему* (*outline*). Причем эта *схема* не обязательно должна была ограничиваться только намечающейся главой (или какой-то ее частью) – она могла переливаться и на несколько ближайших глав, а то и вообще стлаться до конца, зримого на тот момент автору повествования. Иногда этому этапу предшествовал, сопровождал его, следовал за ним или совмещал все это документ с чем-то наподобие древа вопросов-ответов – то, что Кристофер порой выделяет, как «размышления с карандашом» (*notes written in pencil*). И это Древо-Почемучка смещало, развивало или создавало развитие нарратива. Наконец, в этой первой ступени развертывания главы Дж.Р. ставил точку – либо обводил пером карандашные наметки *схемы* либо просто стирал все и писал заново.

Более или менее определившись с тем, что намечалось отобразить в ново-создаваемой главе, Дж.Р. откладывал перо и, взявшись вновь за карандаш, приступал к *первой черновой*

рукописи (4) главы (“the original draft”, “the opening draft”). И зачастую эта начальная черновая рукопись обрывалась, так и не достигнув намеченного конца; и причины тут могли быть самые разные: иногда Дж.Р. сразу знал, что хочет изменить, иногда нет – и сначала создавал Древо-Почемучку. Но, определившись, он брал перо и заново приступал к черновику – стирая (5) или обводя пером ранее сделанные наброски. Если же изменения оказывались существенными или их надо было специально выделить для последующей работы (имена, определенные события, etc), он вносил соответствующие примечания и в *схему* или выписывал их на отдельный лист (6).

Таким образом, обычно работа над главой приобретала волнообразный характер. То есть Дж.Р. переписывал более или менее хорошим почерком ранее созданный текст до того места, где он по тем или иным причинам ранее обрывал свой труд, после чего продолжал его в трудно разбираемом черновике. Такие итерации повторялись до тех пор, пока автор не достигал конца некоей сцены (не обязательно это совпадало с завершением главы). Причем нередко, отложив очередную версию рукописи, он вносил правки в предшествующие с целью приблизить их к последней актуальной версии (иногда эти правки в рукописи вносились через годы после того, как Дж.Р. их откладывал). И, само собой, появлялись дополнительные примечания и к начальной *схеме*. Иной раз эти итерации случались так часто, что не имеет смысла выделять их в отдельную *рукопись* – Кристофер называл такие материалы отца over-lapping false starts (7).

В результате получался весьма запутанный разновременной пакет документов, слагавшийся из: *схем*; отдельных листов с примечаниями, рассуждениями и набросками фрагментов; несколькими правленными *черновыми рукописями*; *чистой рукописью* (*the fair copy manuscript*); *машинописью* (*typescript*). И все это обильно приправлялось тем, что Толкин выбрасывал рукописи и драконил – то есть повторно использовал листы.

Это отступление было нам необходимо, чтобы поместить момент возникновения имени *Эовюн* в определенный контекст. Так, имя *Эовюн* сравнительно внезапно обнаруживается не в самой *схеме* второй части главы XXIII, а в примечаниях, появившихся после застопоривания работы над *черновой рукописью* главы (маркируется Кристофером как текст А). Хотя, может быть, и не так неожиданно, если мы обратим внимание на то, что в этой *черновой рукописи* главы Дж.Р. подступает, наконец, к разработке ономастикона народа *всадников* (8). И, пожалуй, рассмотрению и этой проблемы необходимо уделить здесь некоторое место.

Очевидно, что все три мужских имени, нововведенных в *черновой рукописи*, – *Эомер* (*Eomer*), *Эомунд* (*Eomund*) и *Эовин* (*Eowin*) – имеют англосаксонское происхождение и объединяются общим первым корнем *Ео-* (*Eoc-*), «лошадь (выезженная и подготовленная к участиям в сражениях)».

Тем не менее, следует отметить, что на этом этапе работы над текстом Толкин все еще полагал, что *всадники*, помимо *общего*, говорят на *Gnomish* – языке Нуменора и Гондора, а не на *древнеанглийском*. Собственно, это видно и по изменениям фонетического облика имен: переход долгого гласного [ǣ] в [e], редукция конечного [e] – то есть это осовремененные формы, так же как и прозвище *Elfshēen* (от др.-англ. прил. *ælfsċy̅ne*). И здесь следует обратиться к современным (пришедшимся самое большее за полгода до разбираемого нами

периода) рассуждениям Толкина о проблеме именования Арагорна: "... since Trotter is a man he should not have a Gnome-elvish name like Aragorn" (9). А среди вариантов «человечьих» имен, перебираемых Дж.Р. для Арагорна, немало таких, что органично встанут в формирующийся ряд имен всадников; ср. например: *Elfhelm, Elfstan, Elfspear, Elfmere*.

Так же видно, что Дж.Р. сразу вводит для *всадников* такой прием указания родства, как *вариация* (*variation*), при котором ребенок получал имя, в состав которого входил один из элементов имени его отца (реже – матери). Этот прием опять же согласуется с опытами, производимыми с именами Арагорна и его отца: *Elfstone*, сын *Elfhelm* 'а или *Ingold*, сын *Ingrim* 'а. То есть, вначале ономастикон всадников не отделялся Толкином от общего для людей Средиземья.

Интересно, что Эовин (прообраз Теодреда) уже на этом этапе предполагался близким родственником двух других именованных героев, правда, еще без указания степени родства. Помимо приема *вариации*, на родство именованных героев намекает и их положение – они Horsemasters; а для данного этапа развития текста народ *всадников* характеризуется догосударственным, родоплеменным характером общества.

Сразу бросается в глаза некоторая внешняя схожесть мужского имени Эовин (Eowin) и женского Эовюн (Eowyn), хотя это и совершенно разные имена и по смыслу (10), и по фонетике. Тем не менее, учитывая предшествующее разбираемое примечание к *схеме*, – о перемене имени *Eowin* на имя *Marhath* – можно все же предположить, что, избирая имя для нововведенной героини, Дж.Р. неким образом все же ориентировался на отодвигаемое мужское имя. Отметим также, что, изменяя имя «прообразу Теодреда», Дж.Р. совершал «шаг в сторону»: с одной стороны, он делал родственные связи между героями менее очевидными, а с другой, как ни странно это выглядит, это оказался первый шаг по выявлению в полотне мира совершенно иного героя – сенешаля и оруженосца Теодена Хамы (Háma). Но, сделав этот шаг в сторону, Дж.Р. сразу же вводит еще двух героев, связанных приемом *вариации* с Третьим Владыкой Марки: помимо уже упомянутой Эовюн, это Эотайн (Eothain), эсквайр Эомера, появляющийся в рукописи **В** главы XXIII (по классификации Кристофера).

Наконец, среди примечаний к *схеме* главы XXIII мы впервые сталкиваемся еще и с именем Теоден (Beoden). И на то, что мы встречаемся не просто с именем, а с фигурой героя, вошедшего в полотно Мира, указывает рукопись **В** главы, в которой Дж.Р. раскрывает его как сына Тенгеля (Fengel) и Первого Владыки Марки (*the First Master of the Mark*).

На что здесь следует обратить внимание?

Во-первых, здесь мы обнаруживаем пример аллитерированных имен – также весьма распространенной в англосаксонском обществе традиции именования, отражавшей принадлежность носителя имени к определенному роду. И отметим, что, пополняя ономастикон *всадников*, Дж.Р. следует этой традиции и далее: *Брего* сын *Бритты* (аллитерация) и *Эорл* сын *Эовора* (ассонанс).

А во-вторых, появление имени Тенгель закономерно привело к тому, что Дж.Р. вскоре определится и с именем Теодред (даже еще не определившись, сыном или племянником он станет Теодену). Дело в том, что второй компонент

имени – *ræd* – имеет буквально значение «совет, решение»; но, как под влиянием объекта номинации (человека, мужчины), так и под влиянием значений сопровождающей основы, этот компонент подвергается семантическому переходу из класса абстрактных существительных в класс существительных с конкретной семантикой, обозначающей деятеля – «советник». Имя же Тенгель происходит от поэтизма *bengel* «принц, король», но в буквальном смысле это «глава *þinz* (11) (тинга)» – то есть того *council of Elders* (совета старейшин), совместно с которым Эорл принимал решение об оказании помощи Гондору. Кстати, впоследствии, скручивая нить жизни этого героя, Дж.Р. замечает, что после смерти короля Фенгеля, пришедшегося Триждыизвестному отцом, уитанагемот или фолькмут рохиррим призвал его править ими – то есть Тенгель, очевидно, является тронным, а не личным именем.

Если же рассматривать имя *Teoden* совместно с вариантами подбора имени Второму Владыке Марки, – *Marhad, Marhath, Marhelm, Marhun, Marhyse, Marulf* – в которых обнаруживается готский корень *marh* «конь», соответствующее др.-англ. *tearh*, то связь образа Теодена с готским королем Теодорихом, обнаруживающаяся впоследствии, оказывается вполне прогнозируемой.

Можно задать вопрос: какое отношение этот экскурс в ономастикон *всадников* имеет к Эовюн?

Дело в том, что когда наша героиня обрела имя, никакой *истории* за ним не наблюдалось. И на данной стадии развития текста все еще не было очевидно, в каком родстве состоят перечисленные герои. То есть, конечно, Эомер – сын Эомунда, Эовюн – сестра Эомера и Эовин-Мархат мыслились Дж.Р. родственниками, хотя с переменной имени последнего эта связь стала не столь очевидной. Но вот кем им всем приходился Теоден? Отсюда, видимо, и возникало предположение Дж.Р. о том, что Эовюн может быть дочерью Теодена.

В предшествующих статьях о правителях народа *эотеод* (12) мы рассмотрели несколько примеров имянаречения героев Мифа его Автором. Иногда, как в случае с отцом Эорла, более или менее окончательный образ героя появлялся в полотне Мира до того как Автор определялся с именем. Иной же раз образ и имя возникали одновременно, как случилось с Брего, хотя место его в полотне Мира обнаружилось и не сразу. Наконец, благодаря Хельму мы разобрали и вовсе замысловатый случай генезиса образов и имен, когда образ героя вычленился в ходе лингвистических штудий и не сразу обрел имя. Случай с Эовюн представляется близким ко второму типу образования имен.

* * *

Итак, рассматриваемая нами героиня обрела имя – Эовюн, но... никакой *истории* пока за ним не наблюдалось. Пока единственное, что хоть как-то характеризовало новоявленную героиню – это ее «мимолетное» прозвище *Elfsheen* (Эльфийское сияние), порождающее ассоциативные связи с Морвен (13), дочерью Барагунда, обладавшей эпессе с тем же значением (Эледвен). Конечно, неясно, что именно в данном случае Дж.Р. *намеревался* позаимствовать из разработанного образа – внешность, характер или судьбу... И не то чтобы получившийся в результате образ уж очень напоминал нам о Морвен Легендарнума. Однако одноименную бабушку

из Лоссарнаха (14) Эовюн в результате приобрела.

Мысль же соединить Эовюн и Арагорна сердечной связью возникла позднее – в ходе работы над главой XXVII (15). Но прежде чем продолжить, необходимо прояснить последовательность работы Дж.Р. над главами *The White Rider* и *The King of the Golden Hall*.

Вначале Дж.Р. создает рукопись главы, пронумерованной им самим как XXVI (16), которую Кристофер нарекает *черновой рукописью* (*initial drafting, early stage, earliest draft*). В процессе работы над этой рукописью Толкин приступил к материалу, который впоследствии вошел в следующую главу *LotR*: он пишет первую и вторую *черновые рукописи* (Кристофер их никак не маркирует) и создает *схему* (17) главы XXVII. Однако в процессе своего создания *схема* воплощается в более продолжительную форму – *эскиз* дальнейших событий, и тогда же Дж.Р. упорядочивает получившийся документ *планом* (*Order of Tale*). А затем приступает к тому, весьма несогласованному, тексту (*over-lapping false starts*), который мы назовем *третьей черновой рукописью* главы XXVII (Кристофер опять же специально ее не маркирует). И в процессе работы над последней он порой отвлекается, набрасывая фрагменты, предназначенные для вставки в предшествующую главу. И, наконец, после всей проделанной работы создается то, что Кристофер назвал *чистовыми рукописями* (*fair copy*) глав, но что также фактически являлось единой рукописью.

Вот где-то перед началом работы над *переправленным черновиком* Дж.Р. и определяется с тем, что всадники говорят не на *языке номов* (*Gnomish*), а на своем отдельном, но состоящем в родстве с языками Севера и Общим наречием и изображаемом с помощью древнеанглийского. Вследствие этого в текст проникают отсылки к англосаксонской поэзии: цитата из поэмы «Странник» (18) (в песне Арагорна *Where now the horse and the rider?*) и аллюзии на «Беовульфу» (собственно «медовый зал», встреча со стражником в воротах, Эовюн, подносящая вино, злой советник и т.д.).

Так вот, семя романтической истории было посеяно в *схеме* главы XXVII: “Description of her, and of her love for Aragorn” (19). Брошенное, оно находит почву и пробивается ростком в *плане* “Order of Tale”: “Aragorn weds Eowyn sister of Eomer” (20); то есть первоначальный побег стремился к эвкатастрофической развязке.

А вот уж где Толкин это семя подобрал – этот вопрос может остаться и без ответа. Конечно, трюизмом было бы заметить, что параллельно с созданием *LotR* Толкин занимался и многими другими проектами, оказывающими то или иное воздействие на формирующее полотно Мира; впрочем, справедливо и обратное утверждение (21). Так, когда Дж.Р. “came to Lothlorien and the Great River” (в текстологическом смысле), он начинает пересматривать *Лэ об Аотру и Итрун* (*Песня о Лорде и Леди*), сочиненную в 1930 г. Возможно, что работа над этим произведением и способствовала проникновению в *LotR* романтической истории Арагорна (Лорда) и Эовюн (Леди). Или вернее будет зафиксировать влечение в текст *LotR* той «определяющей силы и цели людского существования», что характеризует возрожденный Дж.Р. жанр *lais de Breton* (бретонских лэ). Заметим, что если наше предположение справедливо то это *новое* применение жанра представляется и более традиционным – оно должно увенчаться браком, а не начинается с него как в *Лэ*. Конфликт здесь также отличен от *Лэ* и связан скорее с

временным расставанием влюбленных – в чем ближе к чосеровскому *Рассказу одноворца* (Franklin's Tale). Однако незаметно, чтобы *gentillesse* Арагорна и Эовюн подвергалось испытанию – впрочем, это может быть связано и с незавершенностью разрабатываемой линии отношений.

Причем заметно, как Автора увлекает новая сюжетная линия. Согласно *схеме*, эта пара должна была встретиться на пире-тризне после победы над Саруманом. Но, Дж.Р. тут же подбирает временную складку и вводит Эовюн уже в сцену аудиенции у Теодена в третьей *черновой рукописи* Главы. А позднее, в ходе работы над *чистой рукописью* главы XXVI, вводит надлежащие изменения с целью приурочивания такого хода событий – пишет пророческие строки, вкладываемые в уста Галадриэль (22):

Elfstone, Elfstone, bearer of my green stone,
In the south under snow a green stone (23) thou shalt see.
Look well, Elfstone! In the shadow of the dark throne
Then the hour is at hand (24) that long hath awaited thee. (25)

И вот 31 января *час настал*, и Арагорн не может отвести глаз от Эовюн; а когда их глаза встречаются, Эовюн не отводит взора, и «они, конечно же, сразу полюбили друг друга»... Два года спустя Дж.Р. сформулирует это внезапное ответное внимание Эовюн к Арагорну в письме к сыну (26): "... we might see the glimmer in the faces (and persons as apprehended in love) of others" (27).

Итак, Эовюн отвечает Арагорну взаимностью и соглашается на свидание (*and then maybe we will ride together* (28)), какое благополучно и приключается в *схеме* главы XXXI (29): "Aragorn rides with Eowyn" (Арагорн едет с Эовюн). То есть до конца 1942 года, когда Дж.Р. надолго (более чем на год (30)) оставил работу над LotR, Дж.Р. придерживается этой безоблачной версии развития отношений Арагорна и Эовюн.

Однако есть в этой бесхитростной обрисовке пара черт, на которых необходимо специально остановиться.

Во-первых, в ходе работы над текстом последней из *черновых рукописей* главы XXVII вскрылось противоречие, замеченное еще в *схеме*. С одной стороны, Дж.Р. полагал объединить Владетелей Марки, Теодена и Эомунда, родственными связями посредством Эовюн – дав ей в «отцы» первого и в «дядя» второго. Однако, с другой стороны намечающаяся «свадьба» Эовюн с Арагорном, грядущим королем Гондора, и сестринская связь Королевы с Эомером также оказывалась весьма... перспективна. Причем отметим, что на рассматриваемом этапе развития текста Второй Мастер Марки все еще не сын Теодена (31).

В результате возникает тот самый фантом – Идис, дочь Теодена (32). Собственно, колеблясь в атрибуции отцовства для Эовюн, Дж.Р. в какой-то момент решает ее удвоить. Вообще-то, заглядывая на кухню Толкина, мы обнаруживаем, что он часто прибегал к *размножению* литературных образов *делением*.

Итак, с выбором имен Дж.Р. не стал заморачиваться: «Eowyn and you too AEIflaed» – Эовюн осталась «дочерью Теодена», а из прозвища *Elfsheen* рождается имя племянницы, «дочери Эомунда» – *AEIflaed* (33). Как мы уже отмечали прозвище Эовюн – *Elfsheen* – это

модернизированный англосаксонский эпитет *ælfscīnu* (букв. «прекрасная, как эльф»); что характерно, словарь Босуорта и Толлера за примером этого эпитета отсылает нас к поэме *Judith*, в полустроке 14а которой героиня характеризуется как *ides ælfscīnu* (дева, прекрасная, как эльф). Впрочем, этот «простой» вариант Толкину сразу показался неприемлемым, и он произвел рокировку – возвратил «племяннице» ее имя, а «дочь Теодена» обрела имя, опять же связанное с эпитетом *ælfscīnu* – *Idis*. А вообще, конечно, закономерно, что семантику раннего прозвища Эовюн и вариант ее имени впоследствии воплотит в себе Арвен.

Заметим, что образ девы “*ides ælfscīnu*” рано заинтересовал Толкина. Так, еще во время преподавания в Лидсе он написал песню на древнеанглийском *Ides ælfscýne* – вариацию на тему похищения человека бессмертным существом. И представляется, что эта песня оказала определенное влияние на формирование истории Хурина и Морвен. Но также представляется, что она оказала свое влияние и на тенденцию к трагическому развитию романтической истории Эовюн и Арагорна:

Wá! ides ælfscýne, ond wá, wine mine!
Ond hár ic nu wánige ána (34).

Так, следуя за развертыванием истории от первых заметок, Толкин постепенно пришел к выводу что «Aragorn did indeed love Eowyn, and never wedded after her death» (35). Но это мы забегаем во второй этап формирования истории; сейчас же предлагаю вернуться ко дню встречи влюбленных.

Что еще следует подчеркнуть? Что встреча произошла в ясный день, когда в этой южной земле уже появились первые признаки наступающей весны: “blushing red at the tips of twigs in presage of spring” (36). И это описание природы уже довольно близко к окончательному, изданному в *LotR* (37): “blushing red at their fingertips, feeling the approach of spring” (38). То есть – да, как и замечает Мириам Либран-Морено (39), романтическая история Эовюн начинает активно обогащаться классической любовной топикой (*topoi*) только на третьем этапе своего развития (то есть в 1946 г.). Однако она не совсем права в том, что в этой ранней истории любви никаких следов «любовной речи» (*sermo amatorius*) не наблюдается – мы явно обнаруживаем линию *весны любви* (*ver erat*), но без *зимы любви* (*hiems amoris*). Возможно, это и не следы даже, но те самые материнские почки (лат. *gemma*) из которых вытягивается побег (англ. *germ* (40)).

Впрочем, эту первую концепцию Эовюн, пожалуй, можно вслед за Либран-Морено охарактеризовать как образ, подобный Вальхтеов. Однако, как мы уже заметили, два года спустя Толкин не смог или не захотел вернуться в старое русло и решает проложить новое. И хотя перед тем, как вновь надолго забросить работу над *LotR*, Толкин успевает продвинуться в сплетении западных нитей Содружества не особенно далеко (41), новый – но опять же, не окончательный – образ Эовюн получается весьма ярким и интересным.

* * *

Итак, как мы заметили, когда 10 октября 1944 г. Толкин наконец-то вернулся к повествованиям о той части Содружества, которая ушла на запад от Амон Хен (42), оставленная некогда тропка затерялась.

Само собой, основные изменения в характере Эовюн проявились в текстах, имеющих отношение к Дунхарроу (43). Хорошо заметно (по сохранившимся черновикам), что сперва Толкин попытался следовать ранее разработанному образу. Так, в рукописи А (44) (по классификации Кристофера) Арагорн и Эовюн сидят *side by side with* на пиру-тризне; и тут, как бы *вспомнив* о романтической линии, Дж.Р. торопит Арагорна к встрече с любимой – в рукописи С он уже не сопровождает короля Теодена, а спешит вперед.

И вот здесь все резко меняется: “Both the sexual and the sacred words have ceased to have any content except the ghost of past emotion” (45) (46). Очень интересны в этом плане текст набросков на двух листах, маркированный Кристофером как рукопись Е (47), и примечания, внесенные в это время в *схему* Главы XXVII, и *план* “Order of Tale” (48). Отметим, что здесь мы расходимся с Ромуальдом Яном Лаковски (49), относившим эти примечания к предшествующему периоду работы над текстом.

Толкину вдруг представилось, что Арагорн *is too old and lordly and grim* (50) для этой любовной истории, и ее следовало бы удалить. Может быть, это связано с тем, что он внезапно смог посмотреть на Троттера со стороны (51) и поразиться насколько он *old-looking*. Соответственно, и образ Эовюн следовало изменить – сделать ее женщиной-воином (Amazon), сестрой-близнецом Эомунда, а также и благополучно привести ее к гибели в битве. Причем здесь вскрывается занимательный лексический нюанс: Толкин в своих рассуждениях использует именно лексему *Amazon*, а не *wælcyrge* или *valkyrja*!

Впрочем, забегая в очередной раз вперед, заметим, что Арагорну не суждено было остаться бобылем. Собственно, Арвен как *персона* исподволь начинает проявляться в ходе работы над главами “The Passing of the Grey Company” и “The Muster of Rohan” (вначале это была единая глава XLV), то есть это событие относится к 1946 году (sic!). Так, разрабатывая сцену встречи Арагорна с его Серой Дружиной, автор в рукописи С (по классификации Кристофера) вводит фрагмент, в котором появляется штандарт, доставленный Халбарадом. Подметим, что появление *знамени* здесь вполне ожидаемо – оно маркирует трансформацию положения Арагорна (образно выражаясь – отныне и впредь он не *бакалавр*, а *баннерет*).

И здесь дорога наших рассуждений вновь сворачивает на пару десятилетий в прошлое – ко времени работы Толкина в университете Лидса. В статье «Дополнения к лексикографии среднеанглийского языка» Дж.Р. предпринимает попытку восстановить этимологию ср.-англ. слова *burde* «госпожа, девица». Наблюдая развитие в английской аллитерационной поэзии системы синонимов, он отмечает одну особую функцию, приписываемую женщинам традицией – занятие шитьем, вышиванием, ткачеством. Дама за ткацким станком и девица в своих покоях за вышиванием занимались *подобающим им делом*. Отсюда, например, образ Мелиан и ее спутниц, украсивших гобеленами залы Менегрота. Вот и за *стягом*, доставленным Халбарадом, различался мастер. И в машинописи М, заменяющей рукопись С, наконец появляется анонимная пока Леди Ривенделла (the Lady of Rivendell).

Таким образом, на плечи Арвен перекладывался тот идеальный образ англосаксонской женщины (*you are a woman, and your part is in the house*) (52), который оказался неподъемным для смертной Эовюн, к которой мы вновь и вернемся (в октябре 1944).

Итак, к чему же Дж.Р. приходит в ходе своих размышлений?

От самых крайностей Толкин удерживается и принимает компромиссное решение: сохранить любовную линию, – “Aragorn and Eowyn meet the King” (53) – но приведя ее к иному завершению. В то же время взор Дж.Р. приковывают и новые – амазонские – черты в характере Эовюн, которые, собственно, и должны привести ее к смерти. Здесь обнаруживается влияние популярного в Средневековье трагического образа девы-воительницы Камиллы – героини «Энеиды» Вергилия и ее поздних переделок (например, анонимного романа XII в. *Enéas* («Эней»)) (54), погибавшей в сражении, «как подобало рыцарю». Поэтому и характер Эовюн уже иной: Дж.Р. вкладывает в ее уста речь о том, что женщины также должны выступить с войском, как это было во времена Брего. И это не просто слова: чуть позже она просто констатирует, что последует за своим Лордом; и все эскизы пятой книги с этим согласны – “Eowyn rides with Eomer and Theoden” (Эовин уезжает с Эомером и Теоденом), так же как и остатки от комплекса документов, сопровождавших эти Эскизы (55).

Припомним, в начальной версии Эовюн, подобная Вальхтеов, не виделась автору действующей героиней: ее роль сводилась к тому, чтобы влюбиться и ждать. Нынешняя Эовюн активна – она, как *тан*, служит своему лорду советом и сталью, то есть действует как *германский Герой*: «в верности лорду выказывая доблесть в опасных для жизни ситуациях и приобретая известность» – практически образец юного Беовульфа.

Однако, тут вырисовывается одна маленькая проблема. Нет, женщины, находящиеся в центре повествования, в англосаксонской литературе наблюдаются, – можно вспомнить кюневульфовские поэмы *Elene* (56) и *Juliana* (57) – но их героини не выступают, как правило, в *героическом* амплуа. Елена не ведет своих людей в битву, а Юлиана поступает согласно идеалам скорее *passions épiques* (58) (*эпических страстей*), нежели германским – хотя точки соприкосновения здесь очевидно присутствуют.

«Как правило» – написали мы, и, действительно, есть яркий пример девы в *героическом* амплуа – поэма *Judith* (59), находящаяся, кстати, в том же кодексе Науэлла (*Cotton Vitellius A XVI*), что и поэма *Беовульф* (60). Подобно Беовульфу, Иудифь спускается в глубины моря (61), чтобы сразиться с врагом рода человеческого (62), и народ ее ждет ее на берегу.

В этом плане саги Севера и германский эпос дают куда более богатый материал, развиваемый вокруг фигуры *валькирии*, что может вызвать соблазн трактовать женские образы *LotR* преимущественно через рецепцию подобного валькирии образа, как это делает, например,

Лесли Донован (63) – и совершает ошибку. Так, мы постараемся прояснить в этом исследовании, что фигура Эовюн возникнет как *contaminatio* различных образов.

Причем придется побросать камни в стеклянном доме и отметить, что предположение Дэмико, разделяемое Донован о рецепции образа валькирий в таких др.-англ. персонажах, как Вальхтеов, Иудифь и Юлиана, само по себе довольно спекулятивно (особенно это касается Вальхтеов) (64). И вовсе не все из того, что Донован полагает специфическими для валькирии чертами, является таковым. Наиболее впечатляющий казус случился с рукоделием

– с ним Донован совершает типичнейшую ошибку Герцогини (65) (ошибка смещенного основания). Так, живописуя ткачество Галадриэли и вышивку Арвен, Донован мнит эти деяния “the dominant valkyrie-specific traits” (доминирующими чертами, специфическими для валькирии), а не трудами жен, занимавшихся *подобающим им делом*. И, в общем-то, в том, что женщина «красивая» и *beagum gehlæste, hringum gehrodene* (драгоценностями увешанная, кольцами украшенная) (J, 36b – 37a), заслуга вовсе не Леонида Ильича. Наконец, отдельно следует помянуть церемониал подношения вина – здесь и вовсе происходит обратное явление: в образ *валькирии* проникает рецепция образа *королевы*.

Итак, в следующей рукописи F главы следует новейшее описание внешности Эовюн: “a woman with long braided hair, yet she was clad as a warrior of the Mark, and girt with a sword” (66). В несколько более развернутом виде это изображение Эовюн останется в тексте *LotR*: “a woman with long braided hair gleaming in the twilight, yet she wore a helm and was clad to the waist like a warrior and girded with a sword” (67). Закономерно, что оно подпадает описанию *всадников*, возникающему в главе «The Riders of Rohan»: «their hair, flaxen-pale, flowed under their light helms, and streamed in long braids behind them; their faces were stern and keen. In their hands were tall spears of ash, painted shields were slung at their backs, long swords were at their belts, their burnished skirts of mail hung down upon their knees» (68). К сожалению, Кристофер не издал в *HoME* черновика наброска этого описания, ограничившись фразой, что он, «though rougher in expression, is very much as that in TT» (69), – тем не менее, то, что Дж.Р. решил сохранить этот параллелизм, и так весьма нагляден. В этом описании особенно бросается в глаза одна маленькая, но характерная деталь, перекликающаяся с поэмой *Judith – wundenloc* «сплетенные волосы», отличавшие иудейских воинов (строка 325) от их противников, и такая же «военная» прическа у самой Юдифи, когда она идет убивать Олоферна (линия 103b). Это специфически английская деталь: в версии Вульгаты мы ее не находим. Очень интересна поэтому «патетическая ошибка», допущенная позднее Дж.Р.: когда Эовюн предстает перед Королем-Призраком, ее волосы внезапно оказываются распущенными, что должно подчеркнуть, что перед назгулом не воин-мужчина, а девушка.

Изменение характера героини уже отбросило начальный сценарий отношений влюбленных: Эовюн не сидит в палате за пяльцами и ждет, а скручивает свою нить в полотне *entrelacement*'а. Она следует за своим Лордом, как предполагается – к смерти, но вместе с Арагорном. И тут, еще в ходе «размышлений с карандашом» (в тексте E), возникает идея – ее выдвигает Теоден (sic!): использовать Проход Скады (70) (the Scada Pass), чтобы выйти противнику во фланг. Арагорн вызывается провести этот маневр, вследствие чего пути влюбленных разделяются, а Эовюн вступает на свою тропу смерти: “Theoden slain and Eowyn slays the King of the Nazgul and is mortally wounded” (71). Заметим, что происходящее на наших глазах отменно иллюстрирует толкиновскую аллюзию о его работе над полотном *LotR* в *Leaf by Niggle* (72)

Выше мы уже отмечали о допустимом влиянии поэмы *Ides ælfscýne* на развитие сюжета, но следует учесть и другого более *близкого* актора (лат. *actor*). 16 октября Дж.Р. пишет Кристоферу: “I have lectures again, and also *Pearl*” (73). Конечно, наивно было бы проводить

параллели между Эовюн и умершей в младенчестве девочкой. Однако между скорбью отца, утратившего “his precious pearl withoute a spot” (74), и скорбью Арагорна после гибели Эовюн есть что-то общее.

И вот тут, под занавес очередного этапа работы над текстом, когда новая линия истории Арагорна и Эовюн уже практически была сплетена, мысль Толкина совершает очередной кунштюк. Выписав два эскиза книги V (75), он забегает вперед и пишет фрагмент озаглавленный как «Fall of Theoden in the Battle of Osgiliath». И хотя в нем сказывается о гибели Теодена, основной упор все же приходится на последующее столкновение над телом Короля: сияющая Эовюн, согласно намеченной схеме, оспаривает право Тени надругаться над павшим (ср. с Фили и Кили над телом Торина). И тут случается странное – Эовюн срубает голову твари *vulture-form* (подобной стервятнику), и спешенное безглавое *нечто* (a headless **thing**), потеряв форму, бежит к своему создателю (76). В ужасе от увиденного бежит войско южан (Haradhoth), а люди Минас Тирита и Марки, освобожденные от власти Тени (the Shadow), преследуют их.

В определенном смысле этот резкий поворот видится закономерным итогом поворота характера Эовюн к подобному Иудифи (77). Само собой, это не буквальное воссоздание фабулы поэмы *Judith*, – «Дева отсекает голову Темному Лорду, возглавлявшему армию врага, подступившего к стенам Града» – a *free reworking of the original*. Толкин еще дальше автора поэмы отходит от библейской Иудифи (78) и создает свой образ «настоящей» древнеанглийской Юдифи, точнее отображавшей «северную теорию мужества» (79). Дабы и столкновение было явным, а чудовище – чудовищем, «Иудифь Толкина» даже вступает, подобно Юлиане, в *flyting* (80) (устное сражение). В общем, она поступает, как герой, находящийся в героической ситуации.

Разумеется, это влияние не следует абсолютизировать. Так мы уже подметили здесь же и эхо-мотивы от поэмы *Юлиана* – верность Эовюн своему Лорду, несмотря на обещания мучений назгулом (81).

Но вернемся к эхо-образам поэмы *Иудифь*.

В этом небольшом тексте заметно, как Дж.Р. сходно с автором поэмы встраивает лингвистические противопоставления в текст: сияющая Эовин – *all had feared the light of her face* (82) и *About Eowyn the light of day fell bright and clear* (83) – против тени назгула (*The great shadow descended* (84) и *the men ... released from the Shadow swept up* (85)).

Эовюн посылает назгула к его создателю (Саурону), и a *headless thing* (безголовая тварь), издав a *long thin wail* (долгий пронзительный вопль), выполняет это распоряжение. В поэме же подчеркивается, что после казни *gæst* (душа) Олоферна, покидая его *fula leap* (мерзкое тело), отбывает в *Hell*; причем отбывает в *hellebryne* (адский огонь) без головы, то есть нецелостной – идентичной своему физическому состоянию.

Также и образ воинов Запада (*the light reborn was strong on their swords and spears. They drove the enemy into the River* (86)), предстает как выжимка из строк 301-310a *Judith*:

Hi ða fromlice	fagum swyrdum,
hæleð higerofe,	herpað worhton

þurh laðra gemong,	linde heowon,
scildburh scæron.	Scæotend wæron
gude gegremede,	guman Ebrisce;
þegnas on ða tid	þearle gelyste
gargewinnes.	þær on greot gefeoff
se hysta dæl	heafodgerimes
Assiria	ealdordugude,
laðan cynnes (87).	

Итак, сей очередной «светлый промежуток» рассуждений Толкина заканчивается возвращением в старую колею эвкатастрофы – Эовюн не погибает, а, следовательно, и браку Арагорна и Эовюн суждено свершиться. И странно, что Ронни Лаковски не замечает этого поворота (88). Однако характер девушки ныне стал более сложным и глубоким – ведь под образом Юдифи подобные Вальхтеов черты в ней также сохраняются.

Продолжение следует

Примечания

(1) «И задом наперед, совсем наоборот, – подхватил Траляля. – Если бы это было так, это бы еще ничего, а если бы ничего, оно бы так и было, но так как это не так, так оно и не этак! Такова логика вещей!» (Льюис Кэрролл *Алиса в Зазеркалье*; пер. А. Коновалова)

(2) Цитата Т. Шиппи из «The Works of Sir Thomas Malory» (ed. E. Vinaver, Oxford: Clarendon Press, 1967).

(3) *LotR, TTT*, Book III, Ch. 2 “The Riders of Rohan”. Это вторая часть протоглавы XXIII, которая имеет собственный заголовок “Trotter sped on up the hill” и соответствует в изданном тексте *LotR* 24-й главе по сквозной нумерации. Однако здесь и далее мы будем использовать нумерацию глав, вводимую автором на момент работы с текстом.

(4) Кристофер сводил их к термину *draft*, в отличие от чистовых рукописей, называемых *manuscript*. Впрочем, Кристофер не всегда употреблял эти термины последовательно.

(5) Кристофер сокрушался об этой “practice of erasing his pencilled draft and writing the fair copy on the pages where it had stood” (практике стирания карандашных черновых рукописей и написания чистовой копии [рукописи] на этих страницах поверх [стертого текста]).

(6) Как пример см. главу XXIII HoME-7 “Notes on various topics”.

(7) См., например, конец рукописи С главы XXXV/XXXVI “Faramir”. *LotR, TTT*, Book IV, Ch. 5 “The Window on the West”. Двойная цифра означает, что когда Толкин продвинулся в своей работе к следующей рукописи, он решил разбить протоглаву XXXIV на две главы, и

нумерация сдвинулась.

(8) Хотя Толкин к наблюдаемому моменту (то есть до разбираемого нами периода) уже вывел на сцену истории народ *всадников*, он до сей поры не вводил для них никаких личных имен, за исключением имени позаимствованного *белого коня*, заступившего на место спорадически возникавшей ранее в текстах (еще с *Хоббита*) кобылы Гэндальфа. Кстати, с появлением в полотне мира *белого коня*, **подаренного** Гэндальфу всадниками, в текст проникает рецепция ирландской традиции, касающейся коней. Но мы не будем здесь подробно освещать этот сложный составной образ.

(9) «... так как Троттер – человек, он не должен носить такое имя эльфов-номов, как Арагорн».

(10) Др.-англ. сущ. *wine* «друг; защитник; лорд» в то время как *wun[n]* обычно переводят как *радость*, однако таковой перевод требует уточнения – это эпитет, являющий восхищение той, по отношению к которой он применяется, знаменующий то, что она лучшая из женщин. Любопытно, что имя Eowin также включает в себя и семантику «любящий лошадей», то есть является «переводом» имени Филипп (греч. *φίλος* «друг, дорогой, любимый» и *ἵππος* «конь, лошадь») – конфирмационного имени Дж.Р.

(11) В индоевропейских языках наблюдается связь между понятиями времени и места, см.: гот. *beihis* «время», лат. *tempus* (от арх. *tenkco-), но др.-англ. *tig* «поле, свободное пространство», *binz* «вещь, встреча; двор».

(12) Крюков А.А. Метаморфозы Леода, или через этимологию к демографии // Палантир № 66, с. 13–22; Крюков А.А. О Брего – «первом короле Марки» // Палантир № 67, с. 16–30; Крюков А.А. Король Хельм, или В центре *entrelacement*'а // Палантир № 68, с. 17–33.

(13) И, быть может, с Гвиневрой из «*The Fall of Arthur*»; ср.:

lady ruthless (безжалостная леди)

fair as fay-woman and fell-minded (прекрасная, как фея, и жестокосердная),

in the world walking for the woe of men (пришедшая в мир на горе мужчин).

(14) Тенгель Триждыизвестный взял в жены Морвен из Лоссарнаха, которой рохиррим дали прозвище *Steelsheen* (Стальной блеск); ср. с *Elfsheen*.

(15) *LotR*, *TTT*, Book III, Ch. 6 “The King of the Golden Hall”. В работе над тем, что впоследствии станет текстами глав “Treebeard” и “The White Rider”, был небольшой перерыв в несколько месяцев.

(16) *LotR*, *TTT*, Book III, Ch. 5 “The White Rider”.

(17) Может показаться странным, что *схема* главы возникла так поздно. Однако, в данном случае эта «путаница» порождается подходом Кристофера к изданию черновики *LotR*: он старался скомпоновать материалы по главам согласно изданному тексту. В тот же момент, когда Дж.Р. записывал то, что Кристофер выделил как *первую рукопись* (the first coherent and legible manuscript) или *черновик* (draft) и *переправленный черновик* (revised draft), эти документы относились к *черновой рукописи* главы XXVI. Кристофер называет такие

рукописи, из которых впоследствии формируются две и более главы, «формой воплощения развития нарратива» (*the vehicle of the development of the narrative*). Но, в принципе, *схема* могла создаваться и в ходе работы над главой для какой-то ее части. Как пример можно привести уже упоминавшаяся *схема* второй части Главы 'XXIII'. В тот момент времени, когда Толкин работал над этим нарративом, – декабрь-январь 1941 – 1942 гг. – глава XXIII представляла собой ту самую «форму воплощения развития нарратива» и включала грядущие главы “The Departure of Boromir” и “The Riders of Rohan”.

(18) Элегия «Странник» (The Wanderer) находится на л. 76 – л. 78 об. Эксетерского кодекса. Толкин относил это произведение к жанру эпиграфии и даже использовал его в этом качестве в своем «Прощальном обращении», но в то же время песнь Арагорна – это все же элегия. С этим литературным произведением связан один из «профессиональных долгостроев» Толкина. Еще в 1933 году ему в соавторстве с Э.В. Гордоном предложили издать две элегии – «Странник» и «Морестранник» (The Seafarer) – для серии Methuen's Old English Library. Однако даже Гордон не смог в данном случае подвигнуть Толкина работать живее. А в 1938 г. Гордон умер, и работа вовсе остановилась. Дж.Р. же так и не смог найти времени, чтобы довести работу до конца, и в результате в 1969 г. элегия была издана в серии усилиями его учеников – Т.П. Даннинга и А.Дж. Блисса.

(19) «Описание ее [Эовюн] и ее любви к Арагорну».

(20) «Арагорн женится на Эовюн, сестре Эомера».

(21) Например, Великий Рог Виндбим (Windbeam), упоминающийся в письмах Рождественского Деда от 22 декабря 1941 г. и на Сочельник 1942 г., появляется как Рог Элендила, используемый «в крайней нужде» (*only in extremity* – определения совпадают дословно), в пакете документов, называемых «The story foreseen from Lorien».

(22) Развивая рассказ Гендальфа о столкновении с балрогом, Дж.Р. находит, что орел, спасший его с вершины горы, отнес его затем в Лотлориэн.

(23) Золотой венец с зеленым камнем на голове Теодена появляется в *чистой версии* главы XXVII.

(24) Выражение, которое легло в основу использованного Толкином *библейзма* (*the hour is at hand*), употреблялось в Новом Завете: «Сии слова говорил Иисус у сокровищницы, когда учил в храме; и никто не взял Его, потому что еще не пришел час Его» (Ио. 8:20). В настоящее время этот библейзм употребляется в следующих значениях: 1) наступило чье-то время умирать, кому-либо суждено умереть; 2) наступило время чего-либо важного, значительного, опасного и решающего. Очевидно, что Дж.Р. делает здесь упор на второе; однако интересно, что тогда, когда он обращался к катастрофическому венцу истории, актуальным становилось первое значение.

(25) Эльфстон, Эльфстон, носитель моего зеленого камня

На юге под снегом зеленый камень ты узри.

Взгляни, Эльфстон! В тени темного трона

Час, что долго ждал тебя, настал.

(26) *Письмо № 89*. К Кристоферу Толкину, 7– 8 ноября 1944 г.

(27) «... нам дано различить этот отблеск в лицах других (а также и в людях, воспринятых через любовь)» (пер. С. Лихачевой).

(28) «и затем, чаю, мы поедем вместе».

(29) *LotR, TTT, Book III, Ch. 11* “The Palantír”.

(30) Скорее всего, этот срок был еще больше. Поскольку *terminus ante quem* (самой поздней временной границей) для нас служит письмо к Стэнли Анвину от 7 декабря 1942 года о том, «что книга достигла уже главы XXXI». Однако *terminus post quem* (самая ранняя временная граница) показывает что Дж.Р. работал над главой XXX летом 1942 г.; см. также замечание Кристофера, что “all this part of LR was written as a whole” (вся эта часть ВК писалась как одно целое).

(31) Дж.Р. вновь меняет ему имя – теперь он Эоворед (Eofored), что обновляет его родственную связь с кланом Ео-. Но уже в *чистой рукописи* главы Дж.Р. наконец определяется с именем Теодред (Theodred) и даже мимолетно предполагает, что Теоден был его отцом.

(32) Заметим, что хотя от образа «дочери Теодена» Дж.Р. и отказался, но имя он впоследствии все же использовал для Дис, матери Фили и Кили.

(33) Заметим, это обычное саксонское имя, имеющее значение «эльфийская красота» (например, так звали одну из супруг Эдварда Старшего).

(34) Увы, дева волшебной красоты, увы, друг мой!

И сед я ныне и живу одиноко.

(35) «Арагорн действительно любил Эовюн и так и не женился после ее смерти».

(36) «покраснели кончики веточек в предзнаменовании весны» (то есть налились почки на ветвях ив).

(37) Хотя хронотоп окончательной версии и сдвинулся вперед – это не 31 января, как в рукописи, а 2 марта.

(38) «покраснели кончики веточек. Ощущалось приближение весны».

(39) См. Librán-Moreno, M. “Greek and Latin Amatory Motifs in Éowyn’s Portrayal” // *Tolkien Studies: Volume 4*; 2007.

(40) Ср. с пометкой “first germ” (первый росток), поставленной Толкином на первой *черновой рукописи* главы I – “A long-expected party”.

(41) Толкин прорабатывает путь Гендальфа и Пиппина до стен Минас Тирита (продолжая то, что он начал в рукописях главы XXXI “The Orthanc-stone. The Palantir”), а прочих компаньонов – до Дунхарроу, и, помимо этого, делает несколько хронологических схем (в стремлении синхронизировать переплетение историй) и Эскизы книги V (как он полагает в то время – последней).

(42) Над историей Фродо и Сэма (события четвертой книги) Толкин работал с 31 марта и до конца мая 1944 года. И еще в начале июня Толкин был занят созданием машинописи книги

IV – восемь глав (с XXXIII по XL).

(43) *LotR, TRotK*, В V, Ch 3 – “The Muster of Rohan”.

(44) Дж.Р. никак не титулует эти рукописи. Но в Эскизах книги V относит их ко II главе. Таким образом, существовали две системы нумерации, – сплошная и по книгам – но мы предпочтительно будем использовать сплошную.

(45) «Оба [лексикона], и сексуальный и сакральный, потеряли свое звучание, помимо призрака былой мощи». Толкин пишет о выхолащивании семантического значения слов.

(46) Письмо № 86 к Кристоферу Толкину, 23 октября 1944 г.

(47) Это то, что называется «размышления с карандашом» (чем и ценны). Поэтому, кстати, эти примечания и не всегда последовательны – например, Эовюн в них и разносит вино, и сидит рядом с Арагорном (или не рядом).

(48) Вообще-то Толкин отбрасывает эвкатастрофическое окончание истории несколько раньше: между рукописями **C** и **D** он набрасывает схему дальнейшей истории и план работ над книгой V (Кристофер маркирует эти документы как Эскиз I и Эскиз II), и рукопись **E** – это развитие идей сформированных в них.

(49) Lakowski, R. I. “Tolkien’s Love-Triangle: Aragorn’s Relationships with Éowyn and Arwen” // *The Ring Goes Ever On: Proceedings of the Tolkien 2005 Conference*, 2008.

(50) «слишком стар, благороден и мрачен».

(51) Письмо № 83 к Кристоферу Толкину, 6 октября 1944 г.

(52) «ты – женщина, и твоя доля – дом».

(53) Так будет и в развивающихся отсюда вариантах текста – рукописях **F** и **G** и машинописи **H** (по классификации Кристофера); то есть остается неизменным и обещание грядущей встречи, и его воплощение в жизнь.

(54) Так, Одерик Виталий в *Historiae ecclesiasticae* называет Изабель де Конш, возглавляющую войска, «подобной деве Камилле».

(55) Это, например, фрагмент, озаглавленный Толкином как *Fall of Theoden in the Battle of Osgiliath*; а также карта Гондора и временные схемы (the Chronology) – **C**, **D** и **S** плюс немаркированный Кристофером фрагмент (отдельная страница).

(56) Поэма *Elene* находится на лл. 121 об. – 133 Верчельского кодекса. В основу поэмы *Елена* положены популярные в ранне средневековье *Деяния Кирикака*. Помимо поэмы из англосаксонской литературы по этой теме сохранились две гомилии об *Обретении Истинного Креста* (*Finding of the True Cross*) и фрагмент под названием *Видение Креста*.

(57) Поэма *Juliana* находится на лл. 65 – 76 об. в Эксетерском кодексе (то есть предшествует элегии *Странник*). Я полагаю, что на Кюневульфа в этом произведении оказал некоторое влияние «Энкомий святой Варваре» Дамаскина. Житие Юлианы было переведено и на ср.-англ. язык – *Seinte Iuliene* – находится в рукописи Bodley 34. В 1936 году Симонн Розалия Тереза Одиль д’Арденн публикует работу *«Liflade ant te Passiun of Seinte Iulienne»*, в которой отражаются взгляды самого Толкина.

(58) В отличие от «исторических» *martyria*, это очень формульный жанр, многое почерпнувший у античного романа. Истории этого жанра повествуют о допросах, пытках и казни святых жен и мужей, исповедовавших во время гонений на христиан.

(59) В англосаксонской литературной традиции апокрифическая *Книга Юдифи* вызвала две рецепции – анонимная поэма *Judith* и гомилия аббата Эльфрика (в прозе).

(60) Как известно, кодекс Науэлла был создан руками двух скрипторов. Рукой второго в рукописи был дописан *Беовульф* и внесен фрагмент *Иудифи*. Причем интересно, что либо он сам творчески обработал фрагмент, либо кто-то произвел эту операцию ранее. К вычлененному фрагменту был дописан Пролог (до строки 7a) перекликающийся с концом поэмы: так, в «первых строках» постулируется брэнность (ненадежность) сущего: *tweode gifena inðys ginnan grunde*, а в конце поэмы «сомнения» разрешаются приобретением славы. И это, как мне представляется, перекликалось для второго скриптора с темой предыдущей поэмы. Таким образом, он привел пример «христианской славы» (дается Господом, а не людьми) оттеняющий предыдущий.

(61) Ветилуя находилась на холме, а лагерь Олоферна на равнине.

(62) Сравните эпитеты, употребляемые по отношению к Гренделю и Олоферну. Само собой, на всякие *feond, lað, sceada, unsyfra* мы не обращаем внимания, так же как и на коннотации язычества – *hæðenan*. Олоферн, что характерно, как и Грендель, действительно называется дьяволоподобным (*se deofulcunda* (61b)) и награждается эпитетом *Morðres brytta* (90a), часто обозначавшим дьявола. Но все же Олоферн был человеком, и, как справедливо замечает Поль де Ласи в статье “Aspects of Christianization and cultural adaptation in the old English *Judith*”, употребляемая автором поэмы топика всего лишь служила его расчеловечиванию в глазах слушателей.

(63) См. Donovan, L. A. “The valkyrie reflex in J. R. R. Tolkien’s *The Lord of the Rings: Galadriel, Shelob, Éowyn, and Arwen*” // *Tolkien the Medievalist*; 2003, p. 106–132.

(64) Образ Вальхтеов (*Wealhþēow*) воплощает в себе отдельный типаж германской женщины; это и не *домохозяйка* и не *валькирия*, а олицетворение роли *Королевы*, то есть женщины, участвующей в общественной жизни, а не сидящей в горнице. Причем ее роль сочетала в себе как пассивные черты, – то есть, появляясь на публике, она демонстрировала статус двора и соответственно «богатство и мощь» государства – так и активные, то есть она соучаствовала в реципрокации (горизонтальном распределении) и редистрибуции (иерархическом вертикальном распределении). Собственно, согласно англосаксонскому праву, Королева входила в число уитанов королевства, то есть наделялась мужскими функциями, из-за чего ряд исследователей и находят в подобных Вальхтеов фигурах рецепцию подобного валькирии образа; но это внешнее сходство – внутренняя сущность у них различная. Валькирия, согласно этимологии своего именованья, ведет отбраковку мужей, достойных обожествления; роль же Королевы в ином – в налаживании гестельных связей в обществе.

(65) Если почти все коты улыбаются, то именно это обстоятельство, а не чеширское происхождение кота Герцогини позволяет объяснить, почему ее кот улыбается.

(66) «женщина с длинными, заплетенными в косу волосами, но одетая как воин Марки и препоясанная мечом». Любопытно, что Толкин воспользовался этим ранним вариантом изображения Эовюн при расширении главы “The Passing of the Grey Company”: “She was clad as a Rider and girt with a sword” – как бы предупреждая окончательный, развернутый и насыщенный контекстом вариант.

(67) «женщина с длинными, заплетенными в косу волосами, мерцающими в сумерках, но в шлеме, до пояса одетая как воин, и опоясанная мечом» (то есть в доспехе поверх женского платья). Обратите также внимание на тот глагол, на котором остановился Дж.Р. в клаузуле с мечом – *gird*: в английском языке он используется в основном в риторике, причем обычно с библейским контекстом; ср. *gird with power* «облечь (букв. «опоясать») властью».

(68) «их светло-льняные волосы ниспадали из-под их легких шлемов и развевались длинными косами за ними; лица были жесткими и энергичными. В руках у них были длинные ясеневые копыя, за спинами – расписные щиты, на поясах – мечи, а подола их сверкающих кольчуг доходили до колен».

(69) «хоть и более груб в выражениях, но весьма близок к таковому в *Двух Башнях*». К сожалению, таковой издательский подход Кристофера не позволяет прояснить связи данной Главы со строками 1398-1404 *Беовульфа*. Сразу ли здесь появляется переключка или тексты впоследствии сближаются.

(70) Эмбрион Пути Мертвых.

(71) «Теоден убит, а Эовюн сражает Короля Назгулов и смертельно ранена».

(72) Кстати, как раз 12 октября 1944 года Толкин послал эту вещь в *Dublin Review*.

(73) Одна из четырех аллитерационных поэм входящих в Коттонский манускрипт (Cotton Nero A.x., Art. 3). Кстати, еще один Толкиновский «долгострой» связанный с Э.В. Гордоном. Некогда Дж.Р. передал своему другу работу над изданием этой поэмы; но, почти завершив работу над книгой в конце 1937 г., Гордон предложил Толкину стать соавтором. И, как мы видим, Дж.Р. все же периодически работал со своими «долгостроями», а не вовсе забывал о них. Впрочем, в 1950 г. он вернул бумаги вдове друга; и в 1953 г. она опубликовала-таки работу мужа.

(74) «бесценного перла без изъяна».

(75) Как мы уже заметили выше, Дж.Р. работал над этими “эскизами” не после того как завершил работу над рукописями 1-й и 2-й глав Пятой Книги, а параллельно – так Эскиз I явно был составлен до того как Дж.Р. начал работу над рукописью **D** ‘The Muster of Rohan’, а Эскиз III после рукописи **G**. Кроме того, Кристофер явно произвольно объединил эти шесть документов общим названием ‘Sketches for Book Five’ – они имеют разную природу; тем не менее, мы воспользуемся его маркировкой.

(76) Тут проявляется один интересный момент – на данный момент развития текста *назгул* это объединение призрака (Тени) и летающей *vulture-form*. Заметим, что на данном этапе работы над текстом это устоявшееся мнение.

(77) Юдифь, убивая Олоферна, сама не обретает никакого вреда и возвращается в Ветилуу беспрепятственно.

(78) Например, автор поэмы характеризует свою героиню как *девушку* – *mægð, meowle* и *ides*. А вот пересказ Элфрика в гомилии *Incipit de Iudith quomodo interfecit Olofernem* ближе к библейскому тексту: он называет Иудифь *вдовой* – *wudewan* и *женщиной* – *wimman / wifman*.

(79) См. комментарий Дж.Р. к пьесе «Возвращение Бьортнота, сына Бьортхельма» о старом ратнике Бьортвольде: «личная гордость в его поступках отступает на задний план, а любовь и преданность оказываются на первом».

(80) Юдифь поэмы из сохранившегося фрагмента не разговаривает с Олоферном. В то время как Юлиана вступает в весьма длительную словесную баталию с демоном, посетившим ее в тюрьме.

(81) И, как мы помним, это *обещание мучений* сохранилось и в окончательной версии.

(82) «Свет ее лица устрасал»

(83) «Округ Эовюн пал свет дня – яркий и ясный»

(84) «снижалась большая тень»

(85) «люди, ... освобожденные из-под убравшейся Тени»

(86) «... на их мечах и копьях возродился свет. [И] они ввергли супостата в Реку».

(87)	огда смело	кровавыми мечами
	Герои храбро-охочие	тропу торили
	Через толпу ненавистную	деревянные рубили
	Стену щитов стригли.	Стрельцы
	Сражением взъярились,	люди Иудейские
	Мужи* в тот час	чрезвычайно увлеклись
	Бранью-копья.	Там пали в грязь
	Высочайшие	большинство
	Ассирийцев	благородных
	Отвратительной расы.	

* – *þegn* в словаре толкуется как «слуга, постоянно живущий в доме, вассал, последователь, ученик, свободный человек, человек благородного происхождения». Он был обязан участвовать в сражениях; причем его специфическим вооружением было копье (*mægenwudu*), которое у древних германцев ассоциировалось с классом свободных воинов. Однако, в данном случае это слово является синонимом лексемы «люди, мужи» и в то же время здесь обнаруживается эллипсис – начало строки вторит окончанию предыдущей: «люди Иудейские» > «слуги [Господни]».

(88) Лаковски полагает, что “Éowyn die throughout the drafts of Book V” (в ходе работы над черновиками к книге V Эовин умирает).

Сокращения

HoME – The History of Middle-Earth

LotR – The Lord of the Rings

TTT – The Two Towers

TRotK – The Return of the King

Источники

1. An Anglo-Saxon dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth; edited and enlarged by T. Northcote Toller. – URL: http://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/oe_bosworthtoller_about.html.
2. *Beowulf (Verse Indeterminate Saxon)* – URL: http://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a04_01.htm
3. Cotton MS Vitellius A XV, ff 94r –209v. – URL: http://www.bl.uk/manuscripts/FullDisplay.aspx?ref=Cotton_MS_vitellius_a_xv
4. *Judith (Verse Indeterminate Saxon)* – URL: <http://faculty.virginia.edu/OldEnglish/aspr/a4.2.html>
5. *The Letters of J.R.R. Tolkien* / A selection edited by Humphrey Carpenter, with the assistance of Christopher Tolkien. – London: George Allen & Unwin. (электронный текст)
6. Regia Anglorum: Members Handbook – Saxon / Version 1. 2007 – URL: <https://regia.org/members/handbook/2007%20saxon.pdf>
7. Tolkien, J.R.R. *The Hobbit* (электронный текст).
8. Tolkien, J.R.R. *The Lord of the Rings* (электронный текст).
9. Tolkien, J.R.R. *The People of Middle Earth* (The History of Middle Earth. Series 12) (электронный текст).
10. Tolkien, J.R.R. *The Treason of Isengard* (The History of Middle Earth. Series 07) (электронный текст).
11. Tolkien, J.R.R. *The War of the Ring* (The History of Middle Earth. Series 08) (электронный текст).
12. Толкин Дж.Р.Р. *Ofermod* (электронный текст)
13. Толкин Дж.Р.Р. Легенда о Сигурде и Гудрун / пер. С. Лихачевой под ред. М. Артамоновой. – М.: АСТ, Астрель, 2011.
14. Толкин Дж.Р.Р. О переводе «Беовульфа» / Пер. М. Артамоновой // Толкин Дж. Р. Р. Чудовища и критики и другие статьи: Филологическое наследие, том I. – М.: Elsewhere, 2006. – С. 49–71.

Литература

1. Anderson, D. A. "An industrious little devil: E. V. Gordon as friend and collaborator with Tolkien" // *Tolkien the Medievalist*: Edited by Jane Chance. – Routledge, 2003, p. 15-25.
2. Bratman, D. "The Year's Work in Tolkien Studies 2007" // *Tolkien Studies*: Volume 7, 2010, p. 347-378.
3. Bratman, D. and M. DeTardo "The Year's Work in Tolkien Studies 2008" // *Tolkien Studies*: Volume 8, 2011, p. 243-296.
4. Clement, R. W. Codicological Consideration in the *Beowulf* Manuscript (электронный англ. текст).
5. Cooper, T.-A. *Judith in Late Anglo-Saxon England* (2010). – URL: <http://books.openedition.org/obp/999>
6. Donovan, L. A. "The valkyrie reflex in J. R. R. Tolkien's *The Lord of the Rings*: Galadriel, Shelob, Éowyn, and Arwen" // *Tolkien the Medievalist*: Edited by Jane Chance. – Routledge, 2003, p. 106-132.
7. Guenther, K. *The Old English Judith: Can a Woman be a Hero?* (2002). – URL: <http://www.york.ac.uk/teaching/history/pjpg/Judith.pdf>
8. Honegger, T. "The Rohirrim: 'Anglo-Saxons on Horseback'? An inquiry into Tolkien's use of sources" / *Tolkien and the Study of His Sources: Critical Essays*. Jefferson, North Carolina and London: McFarland, 2011.
9. Lacy, P. de. *Aspects of Christianization and cultural adaptation in the Old English Judith* (1996). – URL: <http://www.pauldelacy.net/webpage/docs/delacy-1996-christianisation%20in%20judith.pdf>
10. Lee, S. D. "J.R.R. Tolkien and *The Wanderer*: From Edition to Application" // *Tolkien Studies*: Volume 6, 2009, p. 73-97.
11. Libran-Moreno, M. "Greek and Latin Amatory Motifs in Éowyn's Portrayal" // *Tolkien Studies*: Volume 4, 2007, p. 189-211.
12. Missuno, F. "*Shadow*" and *Paradoxes of Darkness in Old English and Old Norse Poetic Language*. – URL: http://theses.whiterose.ac.uk/3158/1/Shadow_-_PhD_thesis_-_FM_-_2012.pdf
13. Neville, J. *Monsters and Criminals: Defining Humanity in Old English Poetry* (2001) – URL: [https://pure.royalholloway.ac.uk/portal/en/publications/monsters-and-criminals-defining-humanity-in-old-english-poetry\(5187c4cd-645b-4577-86d8-905da0b94a42\).html](https://pure.royalholloway.ac.uk/portal/en/publications/monsters-and-criminals-defining-humanity-in-old-english-poetry(5187c4cd-645b-4577-86d8-905da0b94a42).html)
14. Shaughnessy, E. *Judith's Necessary Androgyny: Representations of Gender in the Old English Judith* (2012) – URL: <http://journals.english.ucsb.edu/index.php/Emergence/article/view/26/90>
15. Tinkler, J. "Old English in Rohan" // *Tolkien and the Critics*: ed. N.D. Isaacs and R.A. Zimbaro, 1968, p. 168.
16. Webb, J. D. "*Mid Raede ond Mid Rihte Geleafan*": *Leadership in the Old English Judith* (2012) – URL: <https://aran.library.nuigalway.ie/xmlui/handle/10379/3051>.
17. Бузина Т.В. Самообожение в европейской культуре. – СПб: «Дмитрий Буланин», 2011.
18. Шиппи Т. А. Дорога в Средьземелье. – СПб.: Лимбус Пресс, 2003.

